С-Алт-8
М754

МОЛОДОЙ АЛТАЙ

Новосибирск

1935

#041
2/11/64

ОСНОВНОЕ
КНИГОХРАНЕНИЕ

„МОЛОДОЙ АЛТАЙ"—СБОРНИК. ЗАП.-СИБ. КРАЕВ. ИЗ-ВО 1936.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	3 сверху	ярлычки	ярлыкчiн
65	1 сверху	Одалар	Адалар
179	2 сверху	матери	отцы
„	12 сверху	Бичак	Бичик
180	2 снизу	отцы	матери

К зак. № 4061

С-Алт-8
S 65 сл
М754

МОЛОДОЙ АЛТАЙ

Новосибирская Областная
БИБЛИОТЕКА
№ 21164

УСТНОЕ
НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО
И ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ОЙРОТИИ

Сборник составлен А. Л. КОПТЕЛОВЫМ
при участии
П. Я. ГОРДИЕНКО, А. А. ОБЛОНСКОГО,
К. И. ФИЛАТОВА

В

NGONB.RU
67446063017091

1011
ЗСКТ

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК 1935

Обложка книги сделана
по рисунку художника
А. КОНДРАШКИНА

Форзац и фронтиспис,
заставки и концовки—
по рисункам художников
Ойротии
Н. ЧЕВАЛКОВА,
А. КАЛАНАК.

ОТ СКАЗОК АИЛА К ПЕСНЕ КОЛХОЗНОЙ

(Вместо предисловия)

Тяжела, безрадостна была судьба кочевника-ойрота. Тысячи нитей опутывали его жизнь. Царский чиновник, купец, бай, миссионер, урядник, кам* и ярлычки* угнетали и эксплоатировали его на каждом шагу.

Не было конца их жадности. Не было такой хитрости, какую не применяли бы эти «червивые поганцы на убийствах набалованные».

Лютую ненависть затаили трудовые массы к своим угнетателям. И отразилась она почти во всем их устном творчестве.

Поздними вечерами часто собирались у костров в дымных аилах — послушать кожончи.

Мягко и просто, как журчанье ручья, звучал топшур.

Соблюдая ритм, сказочник — кожончи повествовал о злодейских проделках зайсанов*, высмеивал байскую хитрость и жадность и рассказывал о геройских подвигах бедняка Башпарака или приемыша Когутэя — Бобренка, превратившегося в богатыря Кускун-Кара-Матыр.

Так рождалось устное творчество ойротов. Каждый новый сказитель по своему украшал и расцвечивал вымыслом любимых героев.

Когда грянула Октябрьская революция, рабочий класс, руководимый коммунистической партией, разгромил эксплоататоров. В союзе с беднейшим крестьянством он стал строить социализм.

В стране — темной, отсталой, некультурной — началась великая переделка жизни.

«Посмотрите на карту РСФСР, — говорил Ленин,— к северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова на Дону, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска — идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. На всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

Так выглядели многие национальные окраины в годы непосредственно следовавшие за империалистической войной, в годы заканчивавшейся гражданской борьбы, в годы разрухи.

Трудящиеся массы ойротов в этот период переживали эпоху «патриархальщины», эпоху племенной и родовой разобщенности, культурной отсталости, «полудикости и самой настоящей дикости».

Октябрьская революция разбила цепи колониального гнета, она уничтожила систему порабощения слабых национальностей более сильной и великодержавной нацией. Она пробудила их к активной политической жизни, к развитию своей — национальной по форме и социалистической по содержанию — культуры.

Страна Советов делала гигантские шаги вперед по пути строительства социализма. Партия рабочего класса, руководимая гениальным стратегом Сталиным, вела упорную и успешную борьбу за ликвидацию капиталистических элементов.

Родина пролетариата из страны аграрной, отсталой,

превращалась в страну индустрии и крупного социалистического сельского хозяйства.

Западная Сибирь, на базе общего под'ема и развития хозяйства страны, строила вторую угольно-металлургическую базу на Востоке, превращая Кузбасс во второй Донбасс.

Миллионные массы крестьянства решительно вступили на путь коллективизации. Колхозный строй победил окончательно и бесповоротно.

Создавались заводы, фабрики, зерносовхозы и МТС. Вырастали животноводческие фермы. На социалистических полях вдоль и поперек буйно поднимали целину стальные кони — тракторы. По степным просторам гудели автомашины. Урожай убирали комбайны.

Сибирь каторжная превращалась в Сибирь социалистическую.

По-новому перестраивала свою жизнь Ойротия. Рушились вековые традиции «патриархальщины». Исчезало варварское наследие прошлого. Кочевники-ойроты строили колхозы, переходили на оседлость, искореняли дикость байского произвола. С корнем вырывали остатки религиозного дурмана — бурханизм и шаманизм.

По-иному течет сейчас жизнь Ойротской автономной области. Те же люди, но жизнь другая. По склонам гор в шелковистых травостоях купаются колхозные стада. Радостным прибоем шумит народ во время уборки урожая. Новые радостные песни поет молодежь.

Вот одна песня:

«Я сегодня встретил на дороге
Быстрого, как молния, коня —
Голубой, бесхвостый, круглоногий,
А в глазах больших — снопы огня...».

Вот песня девушки:

«О, Энелер, Адалар*!
Старые дни миновали,
Когда нас за калым,
Как товар, продавали!..»

Вот песня о коллективе:

«Новой жизни полыхает солнце!
(Враг лишь новое любить не может).
Мы сказали: старый мир — на сломку.
Коллективом бедность уничтожим!..»

Вот забота об охране нового:

«Когда мы начинаем коней седлать,
Проверяем прочность подпруг и подков.
А колхозом живя, мы должны проверять —
Нет ли в наших рядах врагов*...»

Таково прошлое и настоящее Ойротии.

Великий пролетарский писатель страны Советов Алексей Максимович Горький много заботился о выискивании и собирании художественных ценностей национальных республик и областей. Он с особой чуткостью относится к творческим дарованиям народных писателей и поэтов окраин. Он говорит:

«Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

В своем докладе на Всесоюзном с'езде писателей А. М. Горький говорил: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества».

Глубокими корнями искусство всех народов уходит в фольклор, в устное творчество трудящихся масс. Надо внимательно и бережно относиться к этим самоцветам народного искусства, отражающего радости и печали, успехи борьбы, поражения, ненависть к своим

врагам и любовь к героям, беззаветно преданным трудовому народу.

А. М. Горький дает совет писателям: «Собирайте наш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его». С особенной заботой и любовью он рекомендует относиться к народным писателям и поэтам, вышедшим из гущи трудовых масс, скромным и незаметным людям, зачастую малограмотным, но блещущим удивительными образцами поэтического творчества.

Горький говорит: «Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман Стальский».

Выпуская сборник ойротской литературы в переводах на русский язык, мы горячо приветствуем первые шаги собирателей фольклора Ойротии. Мы с особой радостью отмечаем и появление ярких талантов на этой окраине.

В недрах народа, сумевшего создать, под вековым гнетом царизма, блестящие образцы устного творчества, найдутся силы, способные выковать больших мастеров художественного слова — особенно сейчас, когда советская власть проявляет безграничную заботу о культурном и хозяйственном росте национальных республик и областей.

Обращаясь к устному творчеству Ойротии времен дореволюционной эпохи, мы особо выделяем сказку— «Когутэй».

Сказка эта является одной из лучших алтайских сказок-поэм. Кроме прекрасного образного языка, сказка отличается сложностью и совершенством сюжета. Это замечательное произведение устного народного творчества насыщено глубоким социальным содержанием, мудростью и уверенностью в победе. В сказке народ не только высмеял баев, но и воплотил свои мечты о свободной жизни без эксплоататоров и угнетателей.

«У черной горы
Со ста водопадами,
На берегу синего моря
Со ста заливами
Жил Когутэй,
Ездивший на синем быке.
Старость его
Близка была.
Крепкие кости его
Ослабели.
Зубы его,
Как бобер, пожелтели.
Голова его,
Как лебедь, побелела.
Годы его
К концу подходили.
Прошедшие дни его
Удлинились.
Предстоящие дни
Укоротились.
Так жил Когутэй.
Со своей старухой.
Детей у него
Не было.
Пасущихся стад у него
Не было...»

Так начинается эта сказка.

Однажды Когутэй поехал на гору за дровами и в дупле лиственницы нашел бобренка. Хотел убить. Но бобренок упросил сохранить ему жизнь. Когутэй привез бобренка домой и, «как сына», ввел в свой аил.

В дальнейшем бедняк Когутэй, по просьбе своего сына — Бобренка, три раза приезжает к Караты-Кану— сватать его дочь за своего приемыша. Караты-Кан зло издевается над бедняком и умерщвляет его. Боб-

ренок оживляет своего отца и снова посылает к гордому и жестокому хану.

Наконец, Когутэй становится смелым и сильным. Он уже не с просьбами приезжает к Караты-Кану, а с требованием и угрозой. Никакие хитрости, никакие обходные маневры Караты-Кана не удаются, и он вынужден выдать свою дочь за бедняка — Бобренка.

После свадьбы вспыхивает борьба между богатыми зятьями Караты-Кана, с одной стороны, и бедным, нелюбимым зятем Бобренком — с другой.

Шесть зятьев бая отправляются на охоту. Ничего они добыть не могут и уже обречены на голодную смерть. Но в это время на горе появляется Бобренок. Он убивает шесть маралов. Туши убитых зверей скатываются к стану шести баев. Баи захватывают мясо, а Бобренку говорят, что маралов убили они, и отдают Бобренку только кишки марала.

Потом происходит превращение Бобренка в богатыря Кускун-Кара-Матыр. Борьба с богатыми продолжается. Баи прибегают к подлой хитрости и им удается умертвить богатыря — бедняка. Однако его спасает птица Каан-Кереде. Тогда Кускун-Кара-Матыр...

«В Канский аил входит.
Как небесный гром,
Он загремел.
Железным звоном зазвенел.
— Червивые поганцы, на убийствах
набалованные,
Червивые трусы, на убийствах людей
закоренелые,
С вами счеты хочу свести!..»

Он собирает трудовой народ и уводит его в другую долину. Баям эксплоатировать больше некого и они погибают от голода.

Нет эксплоататоров.

Светлыми строчками кончается сказка-поэма:

«На его Алтае
Певуньи-кукушки
Лето и зиму куковали.
В его лесах ягоды
Лето и зиму росли.
На его Алтае
Лето от зимы не отличают.
Там — вечное лето.
Там — круглый год травы растут,
Цветы синие и белые цветут».

Природа Алтая с ее величественными горными массивами, с бесчисленным множеством рек и озер, с бесконечными зарослями — служила для кочевника-ойрота неисчерпаемым источником художественных образов и сравнений, к которым он прибегал в своем устном творчестве.

Величие природы являлось главным источником гиперболизма в художественных приемах сказителей-кожончи, с изумительным искусством передававших под топшур свои эпические повести.

Рисуя образ героя, кожончи пел:

«Стрелы за его спиной,
Как черная тайга, торчали...»

Говоря о коне героя, сказитель былин преувеличивал его естественные качества:

«Уши бархатно-вороного коня
Синие облака бороздят...
Шаг у него,
Как болотная зыбь, мягок...
Когда на сухую землю
Ноги поставит, —
В следах черные озера закипают...»

Увеличивая размеры до беспредельности, поэт-скази-

тель наделял своего героя такими определениями, которые возводили его в богатыря с чудовищной силой и ловкостью, с величественной фигурой, отвечающей его сказочным подвигам:

«С девятисаженным черенком
Трубку свою
Он достает.
Кресалом огонь высекает,
Крепкий табак курит,
Солнце и луну
Синим дымом закрывает...»

Или такое определение:

«Его плечи, как две горы,
Им показались.
Его глаза, как два больших озера,
Им представились*...»

Так выглядит устное творчество ойротских сказителей дореволюционного времени.

Приемы сказителей отразились в произведениях советских писателей и поэтов Ойротии.

Вот как пишет, например, Чот Енчинов:

«Встают совхозов корпуса,
В горах рычат автомобили,
А крепкотелые леса
Ложатся в прочные стропила...»

О железной дороге он отзывается, как о живом существе, наделенном умом:

«И скоро в голубых горах
Мы рельсы умные протянем...»

Помещая в сборнике образцы творчества ойротских писателей и поэтов, мы пред'являем требование к таким уже сложившимся литературным работникам, как П. Кучияк, Чот Енчинов и др. — писать лучше, креп-

че овладевать техникой писательского дела и давать образцы, достойные великой эпохи строительства социализма.

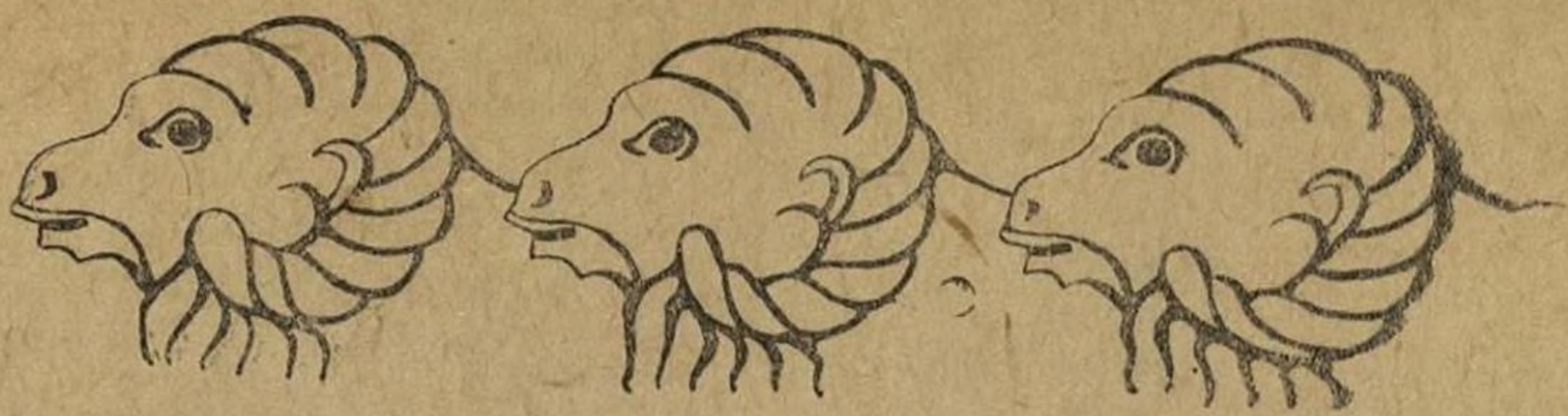
«Железный конь», «Юскюсуул», «Петля» страдают еще не в малой мере схематизмом, недостаточной художественной выпуклостью.

П. Кучияк может писать значительно лучше. Об этом говорит его поэма «Арбачи», заслуживающая очень большого внимания.

Она говорит также о больших возможностях, таящихся на путях социалистического реализма в зарождающейся ойротской литературе.

Культурно выросшим трудящимся массам Ойротии нужно сейчас полноценное художественное мастерство. Овладеть этим мастерством, мобилизовать все свои силы и отвечать на запросы сегодняшнего Алтая — и призываем мы писателей молодой цветущей Ойротии.

П. Гордиенко

I

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

КОГУТЭЙ

(Отрывки)

**
*

Однажды Бобренок жене говорит:
— Темене-Ко, жена моя,
К Караты-Кану, отцу твоему, сходи,
Чем занят он, узнай.
Темене-Ко подумала:
«Хоть и бобренок,
А муж,
Дай-ка схожу».
К Караты-Кану, отцу своему,
Она отправилась.
В аиле отца,
Когда она вошла,
Шесть славных ее сестер,
Шесть славных зятьев
Самую лучшую пищу ели,
Самую крепкую араку пили.
На Темене-Ко

Новосибирская Областная
БИБЛИОТЕКА
№ 21164

ТЕХБИБЛ
учебной
ЭСИТ

Никто не посмотрел,
Никто, хотя бы косо, не взглянул.
Только мать спросила:
— Как живешь, моя дочь?
Хорошо-ли?
Плохо-ли?
Хоть ты и жена Бобра,
А моя родная дочь.
Отец ее, Караты-Кан, сказал:
— Что ты со своим Бобром
Дома не сидишь?
Зачем сюда пришла?
Темене-Ко сказала:
— Хоть и бобер,
Да муж мой теперь.
Караты-Кан сказал:
— Шесть славных моих зятьев
На охоту едут,
Потому мы веселимся.
А ты домой иди.
Твой муж, за которого ты вышла,
Ни на что не способен.
Со слезами Темене-Ко
Домой возвратилась.
Бобренок жену спрашивает:
— Почему ты плачешь?
Темене-Ко отвечает:
— Караты-Кан, отец мой,
Меня из аила своего выгнал.
Мне сказал:
«Муж, за которого ты вышла,
Ни на что не годен.
Мои шесть славных зятьев
На охоту собираются».
С этими словами
Меня из аила прогнал.

Бобренок говорит:
— Если мои свояки на охоту едут,
Я вместе с ними поеду.
К Караты-Кану, отцу твоему, сходи,
Лошадь для меня у него попроси,
Пищу на дорогу попроси.
Хотя я и не умею стрелять,
Но за их лошадьми
Ухаживать смог бы.
Пищу охотникам
Варить бы стал.
Темене-Ко мужа не ослушалась,
К Караты-Кану, отцу своему, отправилась.
В аил к нему вошла и говорит:
— Ваш зять-Бобер у вас лошадь просит.
Караты-Кан, как небо, загремел,
Как железный, зазвенел.
— Мужу твоему, Бобру,
На охоту не придется ехать.
У меня моим славным шести зятьям
Лошадей нехватает.
У меня для славных моих шести зятьев
Пищи нехватает.
Шесть славных зятьев Караты-Кана
Лучших коней седлали,
Лучшую пищу с собой брали.
Караты-Кан свою дочь
Темене-Ко из аила прогнал.
Жена Караты-Кана,
Алтын-Тана, красавица,
Мужа своего уговаривает:
— Почему одни любимы,
А другие нелюбимы?
Все ведь они твои дети.
Если хорошей лошади нет,
То разве и плохой нет?

Темене-Ко со слезами
Из отцовского аила вышла.
Мать ее Алтын-Тана
Под полу кусок курута* спрятала,
Дочери своей Темене-Ко вынесла.
Темене-Ко с плачем домой ушла.
В своем аиле мужу своему сказала:
— Выкормивший меня мой отец
Ни коня, ни пищи
Мне не дал.
Из аила своего
Меня с руганью выгнал.
Бобренок ей говорит:
— Темене-Ко, жена моя,
Не плачь.
Без коня и без пищи
На охоту отправлюсь,
От своих свояков не отстану.
На огонь медный котел поставь,
Воду в нем согрей,
С добычей с оҳоты меня поджидай.
Бобренок из аила ушел,
Через семь хребтов Алтая перевалил,
Своих славных шесть свояков догнал.
С вершины черной горы видит:
Шесть его славных свояков
Ничего не убили.
Спины и шеи шести вороных коней
В кровь растерли,
Раны их сороки и вороны клюют.
Пища у свояков вся вышла,
Корни травы они копают,
Корнями питаются.
Бобренок в белую ложбину заскочил,
По-маральи закричал.
Шесть черных маралов вышли.

Бобренок всех шестерых убил.
Шесть убитых черных маралов с горы
К стану славных свояков скатились.
Шесть славных богатырей заспорили.
Один говорит:
— Я убил.
Другой говорит:
— Я убил.
Спорили, спорили,
Каждый по маралу взял.
Бобренок к шести славным своякам
подошел.
— Могучие стрелки,
Вы убили шесть маралов,
Вы к вашим родителям с добычей
вернетесь,
Мне, не умеющему стрелять,
С чем домой вернуться?
На мою долю марала дайте.
Так славных шесть свояков своих
Бобренок просил,
Долю свою у них выпрашивал.
Шесть славных свояков сказали:
— Ты тело твоего отца,
Мерзавец, покушай.
Если угодно,
На, бери. —
С этими словами свояки
Бобренку нес'едобные, ядовитые
Маральи потроха швырнули.
Бобренок сказал:
— Хоть и потроха,
А возьму. —
Шести маралов кишки стал очищать.
Шести маралов мясо навьючив,
Шесть свояков домой отправились.

Бобренок вслед им плюнул:
— Мясо шести маралов
Отравой пусть будет для вас.
Потроха шести маралов,
Которые вы, как отраву,
Мне бросили,
С изюмом и сахаром по вкусу
Станут пусть равны. —
Бобренок маральи кишки
На себя навьючил,
Домой пустился.
К своей жене Темене-Ко пришел,
О своих шести славных свояках
Ее расспрашивает.
Темене-Ко говорит:
— Они про тебя спрашивали, —
Домой вернулся ли.
Они шесть черных маралов убили.
Мясо маралье сварили,
Наверно, теперь уж наелись. —
Потроха шести маралов
Темене-Ко сварила.
Бобренок ей говорит:
— В чашку на изюм и сахар похожие
Потроха положи,
Отцу с матерью отнеси.
На золотое блюдце Темене-Ко
Маральи потроха положила,
К отцу с матерью отнесла.
Когда она в аил вошла,
На мужской стороне
Мужчины сидели.
Слюни у них
Губы и подбородки покрывали,
Сало маралье
Щеки покрывало.

На женской стороне
Женщины сидели —
Шесть старших сестер ее,
И мать, вскормившая их.
Золотое блюдце Темене-Ко
Отцу с матерью поднесла.
— Потроха, на изюм и сахар похожие,
Отец мой и мать моя, попробуйте. —
Караты-Кан ей говорит:
— Что нам негодные потроха, ядовитые.
Мы мясом маральим сыты. —
Мать ее Алтын-Тана говорит:
— Если не хочешь есть,
То почему не хочешь попробовать? —
Алтын-Тана золотое блюдце взяла,
Потроха пригубила.
Сладость их изюму и сахару не уступала.
Муж и жена угощенье пополам разделили.
Караты-Кан своим шести славным зятьям
говорит:

— Если еще когда
Марала убьете,
Мясо его не берите.
Потроха изюмисто-сахарные
Только возьмите. —
Темене-Ко домой возвратилась,
Своему мужу-Бобру
Все слышанное рассказала.

**
*

Бобренок, об от'езде свояков узнав,
Своей жене Темене-Ко говорит:
— К отцу твоему сходи,
Лошадь для меня попроси,

Я за свояками вслед поеду. —
Темене-Ко к Караты-Кану пришла,
Коня у него просит.
Караты-Кан отвечает:
— К птице Кан-Кереде,
В глубине неба живущей,
Мои шесть славных зятьев отправились
За моими девятью чубатыми жеребятами,
Царь-птицей похищенными.
Царь-птицу — Кан-Кереде убить
Они отправились.
Потому у меня
Теперь для дома
Лошадей нехватает.
Пока мои зятья
С птицей Кан-Кереде
Не покончат,
Пока они домой
Не вернутся,
Лошади Бобру не будет. —
Алтын-Тана говорит:
— Если добрых лошадей нет,
Почему плохую нельзя дать?
Почему ты шесть зятьев
К себе приближаешь,
Всем жалуешь,
А зятя-Бобра ненавидишь?
Все ведь дочери твои,
Все зятья, значит,
Должны быть равны.
Караты-Кан, жену свою
Слушая, ей говорит:
— За шестью горами,
За шестью морями
Бархатно-вороной жеребец живет.
Пусть Бобер его поймает

Да на нем и скачет. —
Темене-Ко домой пришла,
Что у отца слышала,
То мужу рассказала.
— К птице Кан-Кереде
За пропавшими семью жеребятами
Шесть славных твоих свояков уехали.
Что за шестью горами,
Мой отец мне сказал,
За шестью морями
Бархатно-вороной жеребец ходит,
Караты-Кан тебе советует
Жеребца того поймать,
На нем ездить. —
Темене-Ко Бобра предупреждает:
— Мой муж, не вздумай
Бархатно-вороного жеребца ловить.
Не вороной жеребец он,
Темная злая сила земель и вод он.
Не мало таких, как ты,
Дерзких смельчаков,
Ловить его пытавшихся,
Он погубил. —
Бобренок жену выслушал,
Небывало возмутился.
Он так ловко прыгнул,
Так сильно встряхнулся,
Что шкура бобра
С него свалилась.
Могучим богатырем
Бобер сделался.
Шкуру свою бобровую
Он берет,
Жене своей Темене-Ко
Ее отдает и наказывает:
— Мою шкуру спрячь,

Моего возвращения жди.
Никому ее не показывай.
Если твои старшие сестры
Любопытствовать будут,
Тебя уговаривать начнут
Шкуру мою показать, —
На уговоры их не склоняйся,
Им наотрез откажи. —
Темене-Ко шкуру бобровую взяла,
В золотой ящик со ста замками заперла.

**
*

Бобер из аила вышел,
Неизвестно куда ушел.
Он шесть гор перевалил,
Шесть морей переплыл,
За бархатно-вороным жеребцом погнался.
Годовое расстояние,
Его от жеребца отделявшее,
В одно мгновение пробежал.
На месячном расстоянии
Топот жеребца услышал.
От его топота
Земная пыль к небу поднималась,
Облака с неба на землю спускались,
Черные туманы закипали,
От толстой пыли свет померк.
Копытами он горы швыряет,
Моря колыхает.
Открытые глаза
Не успеешь закрыть,
Поднятую руку
Не успеешь опустить,
Как Бобренок

Бархатно-вороного жеребца уж догнал.
У бархатно-вороного жеребца
Из-под черных копыт
Пламя летит.
Из носа
Горючий туман пышет.
Его четыре клыка оскаленных
Кровью налились.
Из глаз у него
Огонь искрами рассыпается.
Он навстречу Бобренку мчится,
Затоптать его хочет.
Бобренок увернулся.
Бархатный жеребец мимо пролетел.
Бархатно-вороного жеребца
Бобренок за широкую гриву схватил,
На крутую спину к нему вскочил.
Бархатный жеребец рассвирепел,
На дыбы поднялся,
Как жеребенок завизжал,
Как дикий зверь зарычал.
Копытами забил —
Деревья с корнями полетели,
Камни со всех мест покатились,
Небесные звезды замигали,
Земная пыль к небу поднялась,
Небесные облака на землю упали.
Бобренок с коня свалился.
Бархатно-вороной жеребец на восход солнца
поскакал,
Бобренок снова за ним погнался.
Бархатный жеребец из глаз у него скрылся.
Только от топота жеребца
За шестьюдесятью морями,
За шестьюдесятью горами
Густая пыль вскипела,

Черным туманом свет затянулся.
Бобренок не успел
Рукой пошевелить,
Не успел глазом моргнуть,
Как навстречу к нему
Другой черно-бархатный жеребец выбежал.
Седло на нем богатырское заседлано,
В тороках одежда и доспехи богатырские
завьючены —
Кольчуги сложные,
Стрелы богатые сосновые.
Жеребец стрелой летит,
С горьким визгом кричит:
— Бобер-богатырь,
За конем убежавшим
Не гонись!
Не конь он,
Злая сила земель и вод он!
Тебя он погубит!
Я — твой конь,
Я — богатырский конь,
На мне ты ездить должен!
Меня зовут —
Бархатный вороной конь! —
Бобренок одним махом
На коня садится,
Богатырские поводья крепко схватил.
Бобренок с конем
Друг другу обещание дали —
Неразлучными друзьями быть,
Вместе жить,
Вместе умереть.
Бархатно-вороной конь говорит:
— Мой хозяин, на плетьевой стороне
В моем арчимаке
Письмо есть.

Его достань,
В нем написанное прочитай. —
Богатырь письмо достает,
В письме читает:
— Ты, богатырь, на третьем небе
Тремя Курбустанами назван
Ездящим на бархатном вороном коне.
Твоя красная кровь
Никогда не прольется.
Ты никогда не умрешь.
Всех семьдесят мудрых хитрецов
Ты победишь.
Шестидесяти алтайских мудрых хитрецов
Ты сильнее.
Имеющие губы не посмеют
Словами тебе противиться.
Имеющие челюсти не посмеют
Тебя ругать.
Имеющие большой палец не смогут
Тебя победить.
Носящие воротники не решатся
Тебя за ворот взять.
Твои плечи никогда и никем не будут
К земле придавлены.
Ничья сабля сзади тебя не коснется,
Спереди — не рассечет.
Пусть слава твоего коня
За пределы Алтая перейдет,
Пусть твоя слава героя
Всю землю покроет.
Имя тебе будет:
Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатном вороном коне.
Твой отец —
Черная гора со ста водопадами.
Твоя мать —

Синее море со ста заливами. —
Так было дано ему имя.
Так прогремела слава его коня.
Бархатно-вороной конь стоит,
Кускун-Кара-Матыр
В богатырские доспехи одевается,
Могучие штаны натягивает,
Крепким узлом их затягивает.
Белые куртки одну за другой надевает,
Обувь железную с подошвами в девять
слоев надевает.
Кольчугу в девяносто слоев надевает,
На сто пуговиц застегивается.
Ворот горностаевый застегивает,
За который в битве
Другой богатырь будет держаться.
Ворот соболиный застегивает,
За который в борьбе
Другой богатырь будет браться.
Как свет месяца, светлым
Золотым поясом шесть раз опоясывается.
Как алмаз, блестящие и крепкие
Стальные сабли на луку седла кладет.
Девятигранную черную пику
В одну руку взял.
Девятигранную черную плеть
В другой руке крепко держит.
Железный лук со ста затворами
На себя надел.
Стрелы в шестьдесят рядов
В один колчан сложил.
Славные стрелы в семьдесят рядов
В колчан сложил.
Стрелы за его спиной,
Как черная тайга, торчали.
На голову он одел

Черную бобровую шапку
С семьюдесятью лентами.
Ноги в стремена вдел,
На три стороны покачиваясь поехал.
Звон его черного панцыря,
Как раскаты камней в корумах, раздается,
Как громыханье грозы, слышится.
От топота его коня
Алтай, встрепенувшись, зашатался.
Кускун-Кара-Матыр
Своих славных свояков, ранее уехавших,
По стертым следам
Догонять поехал.
Уши бархатно-вороного коня
Синие облака бороздят.
Челка его
На сорок две стороны развевается.
Грива его
На сорок восемь сторон развевается.
Шаг у него,
Как болотная зыбь, мягок.
Спина у него
Не тряхнется.
Летит он
Словно иноходью.
Из глаз у него
Огонь сыплется.
Из-под копыт его
Искры взметываются.
Когда на твердый камень
Он ступит, —
Пламя полыхает.
Когда на сухую землю
Ноги поставит, —
В следах черные озера закипают.
У Кускун-Кара-Матыр глаза,

Как море, сияют.
Доспехи у него,
Как синие облака, зыблются.
Множество стрел его,
Как черный лес,
Свет месяца и солнца застят.
Пика его девятигранная
Дно неба рассекает.
Ездящий на бархатно-вороном коне
Кускун-Кара-Матыр
На вершину черной большой горы
поднимается.
В три конских прыжка
На нее заскакивает.
Сильными глазами
Кругом смотрит.
Взор его
Сквозь землю, воду и небо проникает.
Мысли его
Всю землю, воду и небо охватывают.
С девятисаженным черенком
Трубку свою
Он достает.
Кресалом огонь высекает,
Крепкий табак курит,
Солнце и луну
Синим дымом закрывает.
Так он на коне стоит,
Кругом осматривается.

**
*

За хребтом Алтая,
Около шестидесятигранной белой горы,
В стане, из сена сделанном,

Шесть его славных свояков сидят.
Кони у них измучены,
Сами они без пищи,
От голода чуть живы.
Кандык и сарану копают,
Ими питаются.
Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатно-вороном коне,
К славным своим своякам под'ехал,
У стана из сена остановился,
Оголодавших богатырей осматривает.
Свояки, увидев его, испугались,
Круглые сердца у них забились,
Грудные клетки заныли,
Перед ними богатырь стоит.
Его плечи, как две горы,
Им показались.
Его глаза, как два больших озера
Им представились.
Со своего бархатного коня
Кускун-Кара-Матыр слезает.
Шесть славных свояков
Повод у него принимают.
Коня к коновязи привязывают,
Свои золотом шитые шапки снимают,
Подмышки их прячут,
Кланяются и спрашивают:
— Откуда едете, богатырь?
Куда путь держите?
Как вас зовут? —
Кускун-Кара-Матыр отвечает:
— Моя страна на востоке,
В том месте,
Где земля с небом сходится.
Мой отец —
Крутая, скалистая черная гора

Моя мать —
Глубина бушующего черного моря.
Мое имя —
Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатном вороном коне.
На этих горах
С шестьюдесятью отрогами
Я приехал поохотиться. —
Кускун-Кара-Матыр свояков спрашивает:
— Как ваши имена?
Какого вы рода?
Из каких улусов приехали?
Куда путь держите? —
Шесть славных свояков отвечают:
— Мы — зятья Караты-Кана,
Ездящего на вороном иноходце.
В небесные страны
Мы путь держим.
В земли царь-птицы — Кан-Кереде
Все мы направляемся.
Кан-Кереде семь чубарых жеребят
У нашего тестя похитила.
Мы выручать их должны,
Нашему тестю доставить должны.
Кускун-Кара-Матыр говорит:
— Печально.
Птица эта и у меня
Семь жеребят похитила. —
Славных шесть богатырей просят
Кускун-Кара-Матыра
К птице Кан-Кереде
Вместе поехать.
Кускун-Кара-Матыр отвечает:
— Коли пойдешь,
Почему не дойдешь?
Коли поедешь,

Почему не доедешь?
Можно и вместе,
Я согласен.
Только вам
До царь-птицы не добраться.
Шесть богатырей снова просят:
— Нас не оставьте,
С собой возьмите. —
Кускун-Кара-Матыр говорит:
— Вам до нее не дойти.
Семь неведомых стран
Нужно проехать.
Через основание неба
Нужно проникнуть.
Железную челюсть неба,
Ударив, нужно открыть.
Лучше я один поеду.
Вы меня здесь дожидайтесь,
Я вашу просьбу исполню.
За это вы на своих ногах
Большие пальцы отрежьте,
Мне их отдайте.
Ваших семь чубарых жеребят
Я тогда приведу. —
Шесть свояков на ногах у себя
Большие пальцы отрезают,
Кускун-Кара-Матыру
Их отдают.
Кускун-Кара-Матыр
Пальцы свояков забрал,
В карман положил.
Шести своякам своим велел
Зверей на него загонять,
На белую гору с шестьюдесятью отрогами
Свояков кричать послал.
Шесть славных богатырей

На гору залезли,
На Кускун-Кара-Матыра
Зверей погнали.
От крика и шума маралы
Теплые лежки свои покинули,
В долины побежали.
Кускун-Кара-Матыр одной стрелой
Шестьдесят маралов тут же убил.
Шкуры с них снял,
Мясо своякам отдал.
Из шкур маральих
Большой аил сделал.
Семь дзеренух поймал,
Своякам сказал:
— Доите.
Молоком питайтесь. —
Семь сохатих поймал,
Своякам отдавая, сказал:
— Доите,
Эзегей и пыштак делайте,
Питайтесь.
Через семь лет я вернусь,
Семь лет меня ждите.
Мои славные свояки,
Вы меня, наверно, теперь узнали?
Мой отец —
Черная гора со ста водопадами.
Моя мать —
Синее море о ста заливах.
Я — Кускун-Кара-Матыр,
Ездящий на бархатном вороном коне.
Я ваш младший свояк — Бобер.
Оставайтесь,
Меня ждите,
Счастливой дороги
Мне пожелайте.

**
*

Кускун-Кара-Матыр
На восход солнца уехал.
Через моря волнистые
Он переправляется,
Через горы буранистые
Он переваливает.
Через желтые степи,
Которых орлы не пролетают,
Словно вихрь проносится.
Через пустыни,
Куда сороки не залетают,
Он несется, как порыв ветра.
Путь его,
Как шелковая нитка, тянется.
Следы коня его,
Как бисер, остаются.
Он едет быстрее птицы летящей,
Сильнее стрелы пущенной.
Путь его
Тоньше волоса тянется.
Ветер за ним,
Как в дудку, свистит.
Под богатырем
Золотые и серебряные горы зашатались,
Белые целебные моря заплескались.
Глаза у него —
Как две утренних звезды.
Стальные брони —
Как бесчисленные небесные светила.
На него смотреть,
Как он едет, —
Не насмотришься,
Любовь и жалость появляются.
Так едет милый

Кускун-Кара-Матыр.
Ни лето, ни зима
Его не держат.
Лето придет —
Он по своим плечам горячим узнает.
Зима придет —
Он по своему заснеженному вороту узнает.
На его ладонях
Солнце и месяц играют.
На его белом лбу
Утренняя заря алеет.
Позади него
Темная ночь остается.
Семьдесят горных хребтов
Красной пылью покрываются.
Над землей
Черные туманы закипают.
Тридцать канов всей земли
Его испугались.
Круглые сердца у них
Затрепетали.
Ребра и грудные клетки у них
От страха заныли.
Семь хитрецов всей земли
От испуга затряслись.
Так на бархатно-вороном коне
Ехал Кускун-Кара-Матыр.
Он в желтое зарево неба
Врезался.
Он между десен неба и земли
Проскочил.
Зовнутрь трех небесных земель
Поскакал.
Он в самые высокие страны
Заехал.
Позади него — основание неба

Как красное нёбо
Осталось.
Он по самым высоким землям
Едет и смотрит:
На Алтае там —
Вечное лето,
Зимы никогда не бывает.
Белые цветы
Всюду растут.
Синие цветы
Везде рассыпаны.
Алтай там
Всегда вереском благоухает.
По его ясному горизонту
Белые горы растянулись,
Белые моря с целебными водами сверкают.
Кускун-Кара-Матыр дальше
На восток едет.
Бархатно-вороной конь его
Вдруг остановился.
Ни передними, ни задними ногами
Не шевелит.
Правое ухо он
К земле, к мягким мхам приложил.
Левым ухом
По синему небу повел, —
Прислушиваться стал.
Кускун-Кара-Матыр
С коня слезает и говорит:
— Бархатно-вороной конь мой,
Если оглянусь,
Ты — моя тень.
Если рукой поведу,
Ты — мое ухо.
Если умирать буду, —
Умру вместе с тобой.

Если жить, —
Только вместе с тобой.
В ночной езде
Ты — мой слуга,
В дневной езде
Ты — мое крыло.
Что ты почуял?
К чему ты прислушиваешься?
Ни смерть ли мою почуял?
Или долгую жизнь мне видишь?
Отвечай. —
Конь отвечает:
— Не о смерти твоей узнал,
Не о долгой жизни твоей услышал.
Подмышкой у серебряной горы,
На берегу синего моря,
Которое течет,
Семь раз извиваясь,
На верхушке серебряного тополя
В семь обхватов толщины
Птица Кан-Кереде
Гнездо свое свила.
В том гнезде
Два птенца сидят.
Семиглавая лютая змея
Каждый год
У Кан-Кереде
Птенцов поедает.
Вот, что я узнал,
Вот, что я услышал.
Если все это — правда,
То мы добьемся того,
Что ищем.
Если я ошибся,
То, значит, нам
Здесь суждено умереть,

Тут кости свои суждено сложить. —
Кускун-Кара-Матыр
Дальше поехал.
Издалека увидел,
За морями разглядел
Серебряную гору.
У подножия серебряной горы,
Семь раз извиваясь,
Синее море течет.

**
*

Кускун-Кара-Матыр
К морю под'ехал,
С коня слез.
Бархатно-вороного друга своего
Он так и этак встряхнул,
В камешек от огнива
Его превратил,
В кисет положил.
По берегу синего моря пошел,
Сам нетерпеньем томится —
Скорее через море переправиться,
К гнезду птицы Кан-Кереде попасть.
Долго по берегу моря ходил,
Переправы не нашел.
К шуму в гнезде,
Из-за моря слышимому,
Кускун-Кара-Матыр прислушивается.
Один птенец
Горько плачет,
Другой птенец
Громко смеется.
Первый, рыдая, говорит:
— Семиглавая лютая змея
Меня сегодня с'ест.

Второй, смеясь, говорит:
— Я сегодня день проживу,
Меня только завтра змея есть будет.
Кан-Кереде убить пришедший
Кускун-Кара-Матыр
Над птенцами ее сжалился.
Гнев свой на царь-птицу забыл,
Не вспомнил, что сам
Ехал ее побить,
Чубарых жеребят, ею похищенных,
У нее отнять собирался.
Свой железный лук о ста затворах
Он взял.
Стрелу смертоносную о семи остриях
На тетиву положил,
К земле прилег,
Змею семиглавую стал поджидать.
Вечерняя красная заря запылала,
Синее море закачалось,
Из глубины синего моря
Семиглавая змея вышла,
К серебряному тополю
3 семь обхватов подползла,
Вокруг дерева
Семь раз обвилась,
К гнезду начала подниматься.
Кускун-Кара-Матыр
Стрелу пустил.
Стрела все семь голов
У змеи отсекла.
Змея с тополя вниз скатилась.
Птенцы Кан-Кереде встрепенулись,
От радости с гнезда вспорхнули,
Золотыми крыльями за солнце и месяц
задели.
— Погибшие, мы спасены.

Погибших, нас ты оживил,
Угасших, нас ты вновь зажег.
Откуда, молодец, ты пришел? —
Кускун-Кара-Матыра спросили.
Кускун-Кара-Матыра
Через море к себе
Они приглашают.
Младший птенец
Крыло свое через море протянул,
Немного до берега не достал.
Старший птенец
Через синее море
Крыльями взмахнул,
Кускун-Кара-Матыр
Через синее море
По птичьему крылу переправился.
К царице-птице — Кан-Кереде
На гнездо вошел.
Птенцы расспрашивать стали:
Как его зовут?
Откуда он родом?
Куда путь держит?
Кускун-Кара-Матыр отвечает:
— Черная гора со ста водопадами —
Мой отец.
Синее море со ста заливами —
Моя мать.
Ездящий на бархатно-вороном коне,
Кускун-Кара-Матыр —
Мое имя.
А где ваши отец и мать? —
Птенцы говорят:
— Есть на свете страна —
Алтай с золотыми хребтами,
Они туда улетели.
Тому краю послужить отправились. —

— Когда они вернутся?
— Если сегодня не вернутся,
Утром должны прилететь. —
— Как вы о прилете
Вашей матери узнаете? —
— Когда наша мать летит,
Частый, громкий дождик льет.
Это наших родителей слезы.
Когда наша мать крыльями взмахнет,
Ветры вихревые подуют.
Мать вернется —
Тебя, чужого на гнезде,
В злобе проглотит.
Богатырем не сиди,
Как сидишь,
В ребенка маленького обратись,
Кускун-Кара-Матыр,
Под крылья к нам спрячься. —
Кускун-Кара-Матыр
В ребенка с голень человека обратился,
Между птенцов сел.
Птенцы его пушистыми крыльями прикрыли.
Вихревые ветры подули,
Частый дождик застучал.
Птенцы говорят:
— Наша мать с отцом летят. —
В глубине неба,
Как серые пташки,
Они показались.
Не прошло времени,
Чтобы протянутую руку опустить,
Открытые глаза закрыть,
Как птицы Кан-Кереде
Над своим гнездом закружились.
Большие их крылья
На солнечном свете засверкали.

Свет месяца заслонили.
В одной ноге они семьдесят маралов несли,
В другой у них шестьдесят маралов
нацеплено.

Под серебряным тополем
Семиглавую змею убитую увидали.
От радости когти разжали,
Маралов в море уронили.
Сами кверху
В синеву неба взвились,
Совсем их видно не стало.
Сверху, как стрелы,
Вниз на землю упали.
Серую землю,
Словно семь стогов сена лежащую,
Семь раз глотали,
Семь раз выплевывали.
— Кто нашего вечного
Злого врага уничтожил?
Какой молодец его убил? —
Птицы спросили.
Птенцы ответили:
— Мать и отец, успокойтесь,
Вы сейчас слишком сердиты,
Вы сейчас разгорячены.
Богатыря, семиглавую змею убившего,
Можете сгоряча проглотить.
Пока не успокоитесь,
Его вам не покажем.
На золотую гору летите,
На самую вершину садитесь,
Рты ваши на луну и на солнце раскройте,
Солнцем горячим их очистите,
Тогда мы все скажем.
Того, кто змею убил,
Вам покажем. —

Кан-Кереде к золотой горе полетели,
На самую вершину сели.
Против луны и солнца
Клювы свои раскрыли.
Потом птенцы им сказали:
— Мать и отец, теперь
Под серебряным тополем
Кол железный воткните,
Чтобы он
Сквозь землю и воду прошел,
На свои ноги
Железные цепи наденьте,
К железному колу
Себя прикуйте.
Клювы себе
Железными кольцами зажмите.
Кан-Кереде
Под серебряным тополем
Железный кол вбили.
Железный кол
Сквозь землю в воду прошел.
Птицы железные цепи
На свои ноги надели,
К железному колу
Себя приковали.
Клювы свои
Железными кольцами защемили.
Только тогда
Птенцы им сказали:
— Богатырь, семиглавую змею убивший,
Родом из нижних земель.
Его отец —
Черная гора со ста водопадами.
Его мать —
Синее море со ста заливами.
Его зовут —

Ездящий на бархатно-вороном коне,
Кускун-Кара-Матыр. —
Птенцов своих слушая,
Птицы Кан-Кереде обрадовались,
От радости рванулись,
Железные путы в девять рядов
С ног сорвали.
Железные кольца
С клювов сбросили.
Кускун-Кара-Матыр встряхнулся,
Снова настоящим богатырем стал.
Кан-Кереде в сторону отлетели,
Ему говорят:
— Из года в год семиглавая лютая змея
Наших птенцов поедала,
Из года в год в наше отсутствие
Из глубины синего моря
Она выходила.
Теперь мы счастливы,
Тебя благодарим.
Ездящий на бархатно-вороном коне,
Кускун-Кара-Матыр,
Друзьями золотыми
С тобой будем.
Умирать будем —
Свои кости
Вместе с твоими положим.
Умерших, нас ты оживил.
Потухших, нас
Ты зажег...
...На белые хребты Алтая
Кан-Кереде слетали,
С белых хребтов Алтая
Семь чубарых жеребят привели.
Кускун-Кара-Матыр
Жеребят переловил,

Каждого над землей потряс,
Жеребята уменьшились.
В свой правый карман
Всех их он положил.
Цари-птицы — Кан-Кереде
Из крыльев своих
По одному перу вынимают,
Кускун-Кара-Матыру дают:
— Наши перья возьми,
По ним ты знать будешь,
Живы мы
Или погибли.
Если погибнем, —
Перья осыплются,
Пух на них исчезнет.
Если живы будем, —
Перья наши
Серебром станут сверкать. —
Кускун-Кара-Матыр из колчана
Железную стрелу достал,
Царь-птицам ее отдал.
— Если жив буду, —
Стрела бронзой блестеть будет.
Если умру, —
Стрела желтой ржавчиной покроется.
Так обо мне узнавайте.
Кускун-Кара-Матыр
Царям-птицам — Кан-Кереде
Счастья пожелал,
Домой отправился...

Сказитель *М. Юткинаков*

Литературный перевод (редакция) *В. Зазубрина*

БАШПАРАК

I

Жил на Алтае бедняк Башпарак,
С нуждой и печалью — верными сестрами.
Корни трав и ягоды дикие
Были пищею Башпарака.

Но счастье однажды пришло бедняку, —
В долине он колос ячменный нашел.
И в колосе том золотых и крупных
Сорок зерен ячменных было.

— Жизнь не угаснет моя от голода,
Буду я сыт, — сказал Башпарак.

II

Два года прошло, два лета минуло.
И каждую весну всходило зерно,

И каждое зернышко колос давало,
И в каждом колосе сорок зерен —
Был урожай ячменя богат...

Сытый и бодрый ходил Башпарак
По полю. На нем он трудился немало —
Четыре загона имел он посева
И пятый загон целины вскопал...

III

Однажды, когда Башпарак абылом*
Землю взрыхлял для посевов новых,
Увидел он: из-за гор, как туча,
Злой богатырь Дельбеген* идет —
Семиголовый хозяин гор.

Четырнадцать глаз, как звезды, сверкали
В мохнатых глазницах богатыря...
Увидев его, Башпарак испугался,
И ноги его затряслись, как талина,
Когда ее заливает река.
И ноги его к земле приросли,
Он убежать никуда не мог...

Хитрый был Дельбеген свирепый,
Он голосом добрым сказал Башпараку:
— Пусть твой абыл будет молний острее,
Земля плодородна, и в спелых колосьях
Родится по сотне ячменных зерен... —

— Пусть и сумина твоя, Дельбеген,
Будет добычи всегда полна —
Всем, чем богаты леса и горы, —

Так ответил ему Башпарак,
Ласковым словом его пораженный.

Но не успел досказать Башпарак,
Как налетел на него Дельбеген
Семиголовый, черный, как туча,
Схватил бедняка и как в темную пропасть
В сумину душную бросил его...

IV

По синим горам, по зеленым долинам
Шел Дельбеген с добычей домой.
И притомился на полпути.
Ему на траве полежать захотелось,
И он прилег и крепко уснул.

А Башпарак потихоньку вылез
Из душной сумины богатыря...
Он камень нашел тяжелый и круглый,
Тихо в сумину его положил,
А сам, как ветер, домой помчался...

Ни много, ни мало, а до заката
Спал Дельбеген богатырским сном.
Поднялся с земли, потянувшись сладко,
И снова в далекий пустился путь...

Он скоро пришел к своему аилу.
Вышли его сыновья встречать —
Шестиголовый и пятиголовый,
Такие же страшные, как Дельбеген.

— Славный отец нам несет подарки,
Камни цветные нам для игрушек, —

Так кричал пятиглавый сын,
Как звезды сияли его глаза...

— Сладкое мясо несу, сыновья, вам,
Мясо глупого Башпарака, —
Сказал Дельбеген, сумину снимая,
— Жаркий костер, сыновья, разжигайт
Грейте воду в котле стоведерном,
Жирный будет у нас обед... —

Стали трясти сыновья сумину, —
Выпал камень тяжелый и круглый...
От злобы чуть не подох Дельбеген,
И снова без отдыха в путь пустился...

V

Абылом на поле своем Башпарак
Землю взрыхлял для посевов новых.
Тучей нагрянул к нему Дельбеген,
Семью голосами семи голов
Хитрое слово сказал Башпараку:

— Пусть твой абыл как молния острым
Будет всегда, Башпарак любезный,
И в каждом колосе по сто зерен... —

— Пусть и сумина твоя, Дельбеген,
Будет всегда тяжела от добычи, —
Голосом робким сказал Башпарак.
И ноги его приросли к земле.

И снова схватил его Дельбеген,
Как в черную пропасть, в сумину бросил:
— Теперь не обманешь меня, Башпарак,

Я отдыхать по дороге не буду, —
Сказал Дельбеген и пустился в путь...

И снова в пути по горам высоким
Сон Дельбегена к земле склонил,
Уснул богатырь семиглавый крепко.

Опять Башпарак из сумины вылез.
Набрал он трухлявых пеньков березы,
Сумину набил и пошел домой...

Долго-ли, мало-ли спал Дельбеген, —
Снова поднялся и в путь пустился,
Легкой казалась ему сумина.

Бежали навстречу ему сыновья.
И младший сын пятиглавый кричал:
— Славный отец нам несет игрушки —
Гнилой березы сумину полную.

— Что вам береза гнилая! В сумине
Я Башпарака несу на обед вам.

Гак отвечал Дельбеген сердитый
И у порога сумину вытряс...
Увидев гнилушки, от злобы и голода
Чуть не подох Дельбеген, и грозно
Он сыновьям своим закричал:
— Жаркий очаг, сыновья, разжигайте,
И на огне кипятите воду
В четвероухом медном котле!
Я Башпарака сейчас поймаю,
Он не обманет теперь меня...

VI

И снова поймал Дельбеген Башпарака,
Бросил, как в пропасть, в свою сумину,
И туго ремнями концы завязал,
Чтоб Башпарак из сумины не вылез...
— Славный отец нам несет подарок —
Сладкое мясо несет Башпарака, —
Сказали, встретив отца, сыновья.

У очага Дельбеген довольный
Сумину быстро свою развязал,
Схватил Башпарака за волосы лапой
И приподнял над котлом кипящим,
Но Башпарак ему так сказал:

— Не торопись, Дельбеген могучий,
Хочу я совет тебе славный дать...

Тело мое затвердело, как дерево,
Его на простом костре не сварить...
Растет на горах можжевельник красный,
Зеленый растет можжевельник северный,
Его набери и в костер набросай.
Тогда только мясо мое сварится,
Будет оно жирнее и слаще... —

И Дельбеген Башпараку поверил —
Снова в сумину его завязал,
Над очагом под крышей повесил,
Чтоб дым Башпараку дышать не давал...

— Глаз, сыновья, не сводите с сумины,
Чтоб Башпарак не подумал вылезть, —
Так приказал сыновьям Дельбеген,
Сам побежал собирать можжевельник.

VII

Душно в сумине сидеть Башпараку,
Дым выедает ему глаза.
Горько заплакал тут Башпарак
И говорит сыновьям Дельбегена:

— Славные внуки мои, сумину
На земь спустите, ремень развяжите,
Чтоб я не умер, в дыму задохнувшись...
Сделаю вам самострелы такие —
Птичку в полете стрела настигнет,
Крупного зверя убьет наповал...
Много чудес покажу вам, внуки,
Только спустите меня на землю...

Думали долго сыны Дельбегена...
Острую саблю отца отточили,
Враз разрубили аркан ременный, —
Встал Башпарак и расправил кости...

— Славные игры хочу показать вам, —
Ройте-ка, внуки, подземную нору
От очага наружу аила, —
Так он сказал сыновьям Дельбегена.
Сам мастерить самострелы стал...

Скоро прорыли сыны Дельбегена
Ход под землей, как нору барсучью,
Мог великан сквозь нее пролезть...

А Башпарак мастерит самострелы
И не торопится игры казать...
Ждали, ждали сыны Дельбегена,
Возле костра прилегли и уснули...

Взял Башпарак дельбегенову саблю, —
Ее сыновья отточили славно, —
И пять голов детеныша младшего,
И шесть голов детеныша старшего
Взмахом одним отрубил Башпарак...

В четвероухий котел кипящий
Бросил тела сыновей Дельбегена,
Печенку их на уголья бросил,
Одиннадцать их голов на лежанке
В ряд разложил, будто головы спящих,
Шкурой козлиной сверху прикрыл...

...А сам поджидать Дельбегена стал...

VIII

Вот на закате пришел Дельбеген,
Много охапок принес можжевельника
Вот заходит в аил Дельбеген,
Запах вареного мяса почуял,
Запах печенки печеной, сладкой
В ноздри ударил — великану.
Стал сыновей хвалить Дельбеген:

— Славных имею двух сыновей,
Они без меня Башпарака убили,
Печень его на углях испекли... —

Печень отведал и мясо отведал —
Чует запах своих сыновей.

— Эй, сыновья, с постели вставайте,
Жирное мясо в котле сварилось,
Мясо сладкое Башпарака... —

Вот подходит к сынам Дельбеген, —
Видит одиннадцать мертвых голов...
Будто медведь Дельбеген заревел:

— Эй, Башпарак, мой враг и обманщик,
Где ты, убийца моих сыновей?..

— Я на дворе дрова собираю,
Чтобы в очаге не потух огонь, —
Ему Башпарак отвечает с улицы...

Кинулся вон Дельбеген из аила,
Дверь слетела с двенадцати петель,
Четырнадцать глаз его искры метали,
Стал он искать Башпарака повсюду...

— Где ты, мой враг, Башпарак лукавый,
Где ты запрятался подлый трус?! —
Рычал Дельбеген семью голосами,
Кругом аила сто раз обежал...

— Здесь я, здесь, могучий хозяин,
Дров подкладываю в очаг, —
Ему отвечал Башпарак из аила,
Кинулся снова туда Дельбеген:

— Где ты, мой враг, Башпарак лукавый? —
— Я у аила дрова собираю, —
Ему Башпарак отвечает снаружи...
Выскочил вновь Дельбеген из аила,
Видел, как в нору полез Башпарак,
Только пятки его сверкнули...

— Эй, не уйдешь от меня, Башпарак,
Я под землею тебя найду, —
Сказал Дельбеген и в нору полез,
В нору, его сыновьями прорытую...

А Башпарак по норе пробрался,
У очага невредимым вылез,
Острую саблю поднял высоко.
Вот из норы Дельбеген показался,
И семь голов над норой показались.
И семь голов Дельбегена злого
Саблею с плеч смахнул Башпарак,
И бросил в кипящий медный котел,
Где мясо сынов Дельбегена варилось...

IX

Так победил Башпарак Дельбегена,
Злого хозяина гор, людоеда,
Семиголового богатыря...
Радостно стало народу Алтая,
Что Дельбеген семиглавый погиб,
Власть его кончилась над бедняками.

И слава о том, кто его победил,
О Башпараке умном и хитром,
Песней неслась по горам Алтая:

«Пусть будет долог и радостен век
Того, кто любезен народу,
Пусть никогда не умрет человек,
Который нам дал свободу»...

А Башпарак к своему аилу
Скоро пришел. И абылом острым
Снова принялся вскапывать поле,
Чтобы посеять ячмень припасенный,
Чтоб урожай был богат, и в колосьях
Было бы по сто ячменных зерен, —
Чтоб Башпарак был силен и сыт...

Записал *П. Кучияк*
Литературный перевод *А. Смердова*

ПЕСНИ

АРАКА

Гей, каурка! Труси быстрее!
Едем к другу, мой верный конь.
Там в аиле меня согреет
Очага золотой огонь.

У дружка моего — Токуша —
Будет славная арака*.
Там согрею я сердце и душу,
Там растает моя тоска!

ПРО КУПЦА

Я скажу вам так, друзья мои:
Кто пройдет всю землю до конца?
Кто увидит ноги у змеи?
Кто отыщет честного купца?

Не трудитесь зря, друзья мои!..
Не пройдешь всю землю до конца,
Не увидишь ноги у змеи,
Правды нет у жадного купца!

БЕДНЯЦКАЯ

В Ябаганских лугах
Тишина густая.
Счастье вечно в гостях
Только в юрте бая.

В куладинских лугах
Ходит ветер юркий.
Может, будет в гостях
Счастье в бедной юрте?..

ЛЮБОВНАЯ

Если на оине* — шумном сборе —
Милая не взглянет на меня, —
Закипает в сердце злая горечь,
Как в зеленом корне ревеня.

Если на оине золотая
Взглянет ласково хотя бы раз, —
В сердце жарко радость запылает,
Жарче многорукого костра.

Литературный перевод *В. Непомнящих*

ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ, НАСИЛЬНО ВЫДАННОЙ ЗАМУЖ

Мне сказали:
— Река широка и бурлива!
А она робкой речкой средь скал течет.
Мне сказали:
— Будет жизнь счастливой,
А она, кроме горя, ничего не несет!
Мне сказали:
— Река широко потекла!
А ее только с чашку — вовсе не коль*,
Мне сказали:
— Будет жизнь светла!
А кругом темнота и на сердце боль.
Почему, ярко-рыжий мой конь пугливый,
Ты от корма не можешь сытым быть?
Почему мне — молодой, красивой,
Целый век подневольно жить?

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Гусь, усталый, летит по Катуни вниз,
Ниже вершины березы...
Я смотрю на свою невеселую жизнь,
И из глаз моих льются слезы.
Отправляются гуси в большой перелет, —
Крылья у них устали...
А в аилах у нас злая бедность живет,
И глаза мои слезы застлали.
Разве есть у нас на Алтае ирим*,
Где села-б гусиная стая?

Разве есть бедняк, чтоб горбом своим
Не работал на хищника-бая?
Не найти у нас на Алтае камней,
На которых не сиживал ворон.
Не найти в нашей жизни бедняцкой дней,
Прожитых без горя!

Записаны *П. Кучияком*

Литературный перевод *Б. Каирского*

II

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

О, Энелер, Одалар*!
Старые дни миновали,
Когда нас за калым, как товар,
Продавали!

Жизнь иная в борьбе родилась,
Старый мир разбит и сожжен, —
Защищает советская власть
Девушек и жен!

СТАРОЕ И НОВОЕ

Белый конь копытил землю долго —
Не осталось у коня копыт.
Мы разбили банду Тужелея
И в колхозах строим новый быт.

Черный конь копытил землю долго —
Не осталось у коня копыт.
На владеньях бая Аргамая
Овцеводческий совхоз стоит.

ПЕСНЯ О КОЛЛЕКТИВЕ

Говорили люди прежде
(Знать о старом никогда не вредно):
— Шею зверя пуля режет,
Шею человека — бедность!
Новой жизни полыхает солнце!
(Враг лишь новое любить не может)
Мы сказали:
— Старый мир — на сломку,
Коллективом бедность уничтожим!

РАЗГОВОР С ЛЮБИМОЙ

На горах заоблачных Алтая
От ветров и солнца снег не тает, —
Милая моя и золотая.

Я хочу сказать: как снег Алтая
Пусть моя любовь к тебе не тает, —
Милая моя и золотая.

А еще скажу: в горах Алтая
Расцветает буйно жизнь другая, —
Милая моя и дорогая.

Смерть купцам, зайсанам, хищным баям,
Счастье нам приносит жизнь другая, —
Милая моя и дорогая.

РАЗДУМЬЕ

Мудрый кедр, высокий, гладкокожий,
Сколько лет стоишь ты на скале?
Ах, как жаль, что человек не может
Жить хотя бы двести лет!..

Каждый год горят цветы средь луга,
Пробуждаться каждый май траве...
Мы теперь за то воюем, други, —
Сделать радостным людской короткий век!

ПЕСНЯ О ГРАМОТЕ

Милая моя живет далеко, — ,
Как же я ей про любовь скажу?
Я Чечек веселой, черноокой
Нежную записку напишу.

Мой дружок с винтовкой на границе
От врагов советы бережет, —
Пролети, письмо мое, как птица,
Расскажи, как наш колхоз живет.

Грамота — второе солнце будто,
Неученый — то же, что слепой...
Женщины, мужчины, — на ликпункты!
Дети, — в школу радостной гурьбой!..

ПЕСНЯ ВЛЮБЛЕННОЙ

Черная смородина за речкой
Хороша, да как туда попасть?
Черноглазый паренек, хорош ты,
Только где мне повстречать тебя?

Перекину мостик, — ягод черных
Наберу два полные ведра, —
На один* схожу и полюбуюсь
Черными глазами паренька.

ПРОЩАНИЕ

Сквозь осенний ветер, через горы
Улетают гуси за моря.
На ученье в громкий светлый город
Уезжает милая моя!

Досвиданья, гуси! Не забудьте
По весне пожаловать опять.
Милая, прощай! Тебя я буду,
Как весну, как солнце мая ждать!

ПЕСНЯ ПРО СОВЕТСКИХ РЕБЯТ

Из яйца, на скале снесенного,
Выйдет малый птенец, поверь.
Из ребенка, лежащего в люльке,
Скоро вырастет пионер.

Залетит птенец оперившийся
На сосну, что шумит на скале.
Пионер в комсомольца задорного
Превратится в четырнадцать лет.

Из птенца желтоклювого к осени
Вырастет могучий орел.
Коммуниста, строителя стойкого
Подготовит из юноши —

Комсомол!

ПЕСНЯ КОМСОМОЛЬЦЕВ

Кто сказал, что дерево сухое
Не годится класть в огонь?
Кто сказал, что племя молодое
Пропадет без камов и богов!

Знает всяк, что дерево сухое
Любит полыхающий огонь,
Племя комсомольское лихое
Перестроит мир без камов и богов!

АВТОМОБИЛЬ

Я сегодня встретил на дороге
Быстрого, как молния, коня:
Голубой, бесхвостый, круглоногий,
А в глазах больших — снопы огня.

Он летел — гудел! И вот большая
Радость пенится в моей груди:
Это счастье новое Алтая,
Время новое — летит-гудит!

ПЕСНЯ ПРО КОЛХОЗ

В долинах, нетронутых даже мотыгой,
От грохота трактора воздух дрожит,
Страдавшие вечно под байским игом,
В колхозе узнали счастливую жизнь.

Но чтоб урожай колосился обильный,
Глуши сорняки, что пролезли в хлеба.
Чтоб сделать колхоз большевистским
и сильным,
Смотри, чтоб не влез туда хитрый бай!

Литературный перевод *В. Непомнящих*

ПЕСНЯ КОЛХОЗНИКА

Что надо березе, чтоб стала красивей?
— Больше листьев для ее наряда.
Что надо колхозу, чтоб стал он сильней?
— Большое и сытое стадо.

Чтоб красивей стать лиственнице молодой,
Бархатно-хвойную нужно шубу сшить.
Чтоб совхоз стал сильный и большой, —
Нужно скот племенной разводить.

Когда мы начинаем коней седлать,
Проверяем прочность подпруг и подков.
А колхозом живя; мы должны проверять —
Нет ли в наших рядах врагов.

Когда мы скачем на сытых конях, —
Наши поводья крепки, не рвутся.

Пусть баи и камы о прошлых днях
Не мечтают, — они не вернутся.

Стала крепкой, ветвистой береза,
Хоть часть ее веток ветры обломали,
Бедняки-алтайцы только в колхозе
«Прощай!» вечной нужде сказали.

Записана *П. Кучияком*
Литературный перевод *Б. Каирского*

ПАРТИЗАНСКАЯ*

Сыт Серко — шесть речек переедем,
Не страшась ни волн, ни глубины.
Живы шесть товарищей надежных, —
Им шестьсот бандитов не страшны.

Если Рыжко и здоров и весел, —
Семь глубоких рек переплывем.
Живы семь товарищей отважных, —
Мы семьсот бандитов перебьем.

Пуля свинцовая — ядовита, —
Настигнет врага и покончит с ним.
Мы гнездо одичавших волков-бандитов,
Будет срок, — навсегда разгромим.

Наши верные меткие ружья
Бить без промаха будут всегда.
Коммунисты ведут нас — значит,
Не собьемся с пути никогда!

Записана *Ч. Апаятовым*
Литературный перевод *В. Непомнящих*

ПЕСНЯ О КРАСНОЙ АРМИИ

Пятизарядных винтовок
И штыков достаточно у нас.
Это значит к бою мы готовы,
На защиту встать готовы каждый час.
Голубой звенящей стали — шашки
Остры и прочны, как алмаз.
Могучая армия наша
От врагов защищает нас!

ЗАРУБЕЖНЫМ БРАТЬЯМ

Мы буржуев первые на свете
Свéргли, —
глядите на нас!
Мы социализм в стране Советов
Строим, —
учитесь у нас!
Братья зарубежные! Все дружно
Поднимайтесь,
глядя на нас!
Власть рабочих и крестьян с оружием
Завоюйте,
учась у нас.

ЛЕНИН—СТАЛИН...

I

Ленин!.. Кто же его не знает?
От Кремля, где он крепко спит,
До хребтов голубого Алтая
Слава Ленина ярко горит.

Выше гор, шире всякого моря,
Тяжелее земли сырой
Было наше народное горе,
Когда умер он, самый родной...

Но живет его дело: крепче стали,
Тверже горных кремнистых пород, —
Нас по-ленински мудрый Сталин
От победы к победе ведет!

II

Вы послушайте только, люди,
Как могуч наш колхозный клич..
Это значит, что он не умер,
Это значит, что жив Ильич...

Мы в колхозе живем без горя, —
Светлый дом, побежденный бай.
Ленин—Сталин от моря до моря
Перестроили каждый край.

III

Как на солнце горит многоглавый
Вечным снегом Алтай золотой, —
Так сияет высокая слава
Нашей родины молодой.

С чем сравнить этот блеск слепящий
Ледников? Где найти светлей
Нашей славы заводов и пашен,
Славы мудрых родных вождей?

Литературный перевод *В. Непомнящих*

III

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Павел Кучияк

ЧЕМАЛ

Строителям Чемальской гидростанции

Оттуда, где льдами сверкают
За тучами головы скал,
Ревя и ворочая камни,
Летит сумасшедший Чемал.

Людская нога не ступала
На скалах вовеки веков,
И даже следов марала
Не сыщешь у синих снегов.

От этих снегов синелицых
По черным расселинам скал
Быстрее и ветра и птицы
В Катунь пролетает Чемал.

Стремительный, пенистый!.. Кто-же
Посмел бы, безумный, мечтать,

Что эту гривастую лошадь —
Горячую, дикую — сможет
Железной уздой обратать?..

***

Так было... Но что это сталось?
Заставили люди теперь
Сварливые воды Чемала
Пройти через узкую дверь.

Рукой большевистской, могучей
Тебя обратали, Чемал!
Ты нашим работником лучшим,
Ты нашим помощником стал.

Ты сдался, неугомонный!
Забудь безрассудства свои!
Плотиной железобетонной
Мы заперли воды твои.

И новая громкая песня
Гремит по Алтаю сейчас
О наших победах чудесных,
О лампочках Ильича!..

Литературный перевод *В. Непомнящих*

Павел Кучияк

НА СЕНОКОСЕ

(Отрывок из поэмы „Бригадир")

На тучных лугах налитые травы
Цветами пылают в июльскую синь.
Как рад бригадир!.. Сколько сена можно
На этих лугах накосить!

И вот бригадир на поляну большую
Выводит бригаду свою.
Ложится рядами трава молодая,
И слышно — как звонкие косы поют.

Безустали, радостно косит бригада,
И думает каждый о том, что вот
Зимою добротным и сытным кормом
Будет доволен колхозный скот.

Как много цветов в этих травах могучих,
Кивают, смеются, горят, как огни!
Их косы зубастые быстро срезают,
Но все же — не жалуются они.

И кажется шепчут: — «Чем осенью стынуть
От рос ледяных и погибнуть в снегах,
Не лучше ли сеном душистым и сладким
Лежать нам в колхозных стогах?»

Литературный перевод *В. Непомнящих*

Павел Кучияк

ОХОТНИК

I

Еще не зажглась золотая заря,
Когда он проснулся — охотник ловкий
Умылся. Обулся. Хороший заряд
Дал проглотить шестигранной винтовке.
Косматый и жаркий раздул костер,
Чтоб чайнику медному вмиг закипеть.
А думы охотника — там, у гор,
Где бродит тяжелый медведь.

II

Рассвет еще был за горами, когда
Проснулся золотошерстный хозяин леса.
— Позавтракать время! — решил он, и важно
Побрел на солнечный склон горы.
Чтоб пышную шубу росой не мочить, —
Он шел солнцепеком по мелкотравью.
Ему все дороги известны. Он знает
Где самые лучшие муравейники

С яйцами сладкими. Он здесь хозяин,
И кто же посмеет ему помешать
Малинник ломать, разорять муравьев
И рявкать со скуки и для острастки
Лесной мелкоты? Он всесилен здесь.

III.

Но чайник вскипел. Выпив чаю проворно,
Ружье оглядев и засунув в ножны
Ножик надежный, — тропинкой горной
Охотник пошел, не вспугнув тишины.
Он на гору вышел — вспотевший, красный,
И видит: примята трава. Прошел
«Хозяин» из пади, от ягоды рясной.
Охотник подумал: — «А зверь-то большой!»
И вот он по следу неслышно крадется,
Скрываясь за камень, за пень и за куст.
А сердце его от волнения бьется:
— Скорей бы! И вдруг раздается хруст...
Он замер... Послушал... Привстал осторожно.
И вот увидал наш счастливый анчи*:
Медведь, раздирая гнилую валежину,
Жрет муравьев и сердито урчит.
Огромный, лохматый, грабастает лапами
По тысяче душ в ярко-красную пасть.
И страшно охотнику, ну-ка сцапает,
Когда не сумею, как надо, попасть?
— От «деда» такого ножом не отбиться,
Тут уж держись на плечах, голова!
Но трусить охотнику — не годится!
Он вспомнил пословицы мудрой слова:

«Ведь лошадь когда-нибудь да падет,
Потому что она не золотая.

И человек не может жить вечно —
Все равно когда-нибудь да умрет.
Кости павшей лошади
Места не выбирают,
Почему же я должен думать,
Что именно здесь умру?»

Охотник подполз еще ближе и тихо
Положил винтовку на лапу пихты.
Не слышит «хозяин», на лакомства падкий.
Охотник нацелился под лопатку.
Раздался тяжелый раскатистый выстрел.
Зверь дико взревел, на дыбы становясь,
Метнулся и грохнул под черную выскорь*,
И долго хрипел, черной кровью давясь.
И видело солнце с белка голубого:
В долине, покрытой могучей травой,
Со шкурой косматой в колхоз промысловый
Шагал наш счастливый охотник домой.

Литературный перевод
В. Непомнящих и К. Филатова

Чот Енчинов

НОВЫЙ АЛТАЙ

Заброшенные в облака
Белки,
пороги рек долинных...
Здесь жили многие века
Кочевники в аилах дымных.

Миссионер, купчина, бай
Народ забитый угнетали,
Была безрадостной судьба
Порабощенного Алтая.
Но прошлое разбито впрах, —
Гремит иная жизнь в горах!..

Былая жизнь: —
Ни школ, ни книг,
Тьма беспросветная, как омут, —
Теперь же школа и бичик* —
Слова знакомые любому.

Встают совхозов корпуса,
В горах рычат автомобили,

А крепкотелые леса
Ложатся в прочные стропила.
Смиряет гордость древних гор
Неустрашимый Автодор.

Колонны тракторов, фырча,
Выходят в тучные долины,
Нам цифры яркие кричат:
— В колхозах больше половины!

И скоро в голубых горах
Мы рельсы умные протянем,
Из недр земли ковшами шахт
Свинец и медь, и цинк достанем.
И тысячи могучих вольт
Даст проводами Алтын-Коль.

Литературный перевод *В. Непомнящих*

Чалчин Чунежеков

ПЕСНЯ О КРАСНОЙ АРМИИ

Луна и веселое солнце
Освещают просторы земли.
Красная армия стойко
Защищает социализм.

Посмотрите на них — огонь!
Крепкоплечие, молодые.
Не допустят они врагов,
Чуткие, как сытыны*.

У них острые шашки в ножнах
С медными черенками,
Трехлинейки на желтых ремнях,
Звезды шлемов горят, как пламя.
Пусть туча, пусть дождь неистов, —
Кедр укроет меня, как шатер.
Пусть грозятся враги-фашисты, —
Наша армия даст отпор!..
Храброй коннице лучших коней
На поемных лугах растите,
Лучший хлеб с коллективных полей
Красной армии — нашей защите!

Литературный перевод *В. Непомнящих*

Чиликей Апаятов

НАША СИЛА

Мудростью Карла Маркса
Свергнута власть царя,
Мужеством Энгельса рабство
Уничтожено в дни Октября.
Не снилось мечтателям всех поколений
То, к чему коммунисты нас привели.
Бывших рабов гениальный Ленин
Сделал хозяевами земли.
Ленин всех угнетенных об'единил
В третий Интернационал.
Там силу грозовую копят они,
Пока битвы решительный час не настал.
Воду лей между нами — ни капли
Не пройдет — так мы сплочены.
Мы поднимем винтовки и верные сабли,
Если вспыхнет пожар войны.
Наше счастье растет на колхозных пашнях,
Нам о радости гудки заводов поют,
Наша сила — единая партия наша,
Наша мощь — Сталин родной,
Наша слава — ударный труд!

Литературный перевод ***В. Непомнящих***

Ив. Эдоков

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ЛЕДНИКИ

(Отрывок из поэмы

Это было тогда, когда в наших горах
Банды рыскали, будто волки.
Нагонял на врагов оголтелых страх
Командир знаменитый — Долгих.

Стая белых волков в знаменитом бою
Партизанами крепко побита.
И, спасая продажную шкуру свою,
Убежали за скалы бандиты.

И сказал командир:
— дорогие друзья!
Путь труднейший лежит перед нами.
Но ничем партизан устрашить нельзя,
Мы пройдем и горами и льдами!..

Никуда от нас враг не уйдет!..
«Все согласны!»... — бойцы отвечали.
Через снежный высокий хребет —
Партизаны свой путь намечали.

Впереди, по снегам и по вечному льду
Ехал сам командир отважный.
— «Пусть обвалы, бураны, —
враги не уйдут!
Победим!..»
в это верил каждый...

Трудный путь ледяной позади!..
— Ну, товарищи, враг теперь близко.
— Будем к бою готовы! —
сказал командир.
И пошли они смело на приступ...

...Враг разбит и отрублена голова
Кайгородова* —
злого бандита и вора,
И летит по родному Алтаю молва
Про геройский поход через снежные горы.

Этот подвиг бойцов и сейчас не забыт —
В дни великой и радостной стройки,
И на мощной груди командира горит
Красный орден —
награда за храбрость и стойкость...

Литературный перевод
П. Кучияка и В. Непомнящих

Павел Кучияк

АРБАЧИ

Часть первая

I

Жила была девушка Арбачи.
Была она дочерью бедняков.
Бедняцкая доля — терпи, молчи,
Работай на баев, на кулаков.

Теряли родные здоровье и силы
В надсадной работе и день, и ночь.
Горьким куском в нищете вскормили
Они свою радость — дочь.

Была она тихая и послушная,
Глаза — словно ясные звезды в ночи.
Но жадного бая глаза завидущие
Заметили девушку Арбачи.

Бай Дябы рассудил:

«Арбачи нам

Неплохо б в работницы взять»...
И вот
За малого шестилетнего сына
Он девушку сватать идет.

«Ну, что мы теряем», —
он так рассуждает, —
«Будет работать бесплатно она,
А сын возмужает, пусть сам решает —
Какая нужна ему будет жена.

Тогда мы отыщем ему любую»...
Отец Арбачи был у бая в долгу,
И вот со слезами дочь дорогую
Отдал ненасытному злому врагу.

II

Ах, ты бедная, бедная Арбачи!
Ты попала сюда на муки.
Ты раба здесь. Работай, терпи и молчи.
Здесь нужны твои крепкие руки.

Злому коршуну в когти, как малая птичка,
Ты попала. Ах, бедная Арбачи!
Навсегда распростись со свободой девичьей.
Ты раба здесь. Работай, терпи и молчи.

— «Тварь несчастная! Падаль! —
кричит тебе грубо
Пьяный свекор, заплывший Дябы.
— Ты в аил наш явилась без шапки и шубы,
Ты должна мне по гроб благодарной быть.

Заседлай мне коня вороного скорей!»..
Как змея, тебя жалит седая свекровь:
— Что ты во-время чай никогда не согреешь?
Ну-ка, глину меси да толкан приготовь! —

Арбачи! От очажного дыма и сажи
Потускнели твои золотые глаза.
Ты кому про обиды и горе расскажешь?
Синяки свои сможешь кому показать?

Арбачи! Ни отец и ни мать родная
Не помогут тебе, от беды не спасут.
Беднякам ли забитым тягаться с баем!
На его стороне и мошна золотая,
И шаман, и продажный зайсанский суд.

Радость-счастье во сне тебе только приснится.
Ты раба здесь. Работай, терпи и молчи.
Только в песне унылой, как пленная птица,
Ты расскажешь о горе своем, Арбачи:

Ах, платок мой! От дождя и ветра
Полиняли все твои цветы.
Красота! В неволе беспросветной
От тоски и слез поблекла ты!..

Платье девичье! В дыму аила
Прокоптело ты и порвалось.
Юность-радость! Где твой облик милый?
Счастье! С дымом, что-ль, ты унеслось?!

III

Шли годы. Некрасивый, рябой, неуклюжий
С каждым днем подрастал муженек Арбачи.

Но напрасно мечтала бедняжка, что с мужем
Станет легче. Защиты и тут не ищи!

Арбачи, вытирая горючие слезы,
Часто думала:
«Вырастет муж, и тогда
Заживу хорошо я»...
Но мирные козы
От волков не рождаются никогда.

А клыкастые волки учили волчонка:
— Ох, не пара тебе она, милый сынок.
К нам пришла она голой, голодной девчонкой
Из аила бедняцкого — вшивый щенок.

За богатый калым — молодую, другую
Мы сумеем найти для тебя, молодца.
Арбачи — кость обглоданную, пустую —
Мы спровадим обратно в аил отца.

И отец ее с нами судиться не станет, —
Пусть попробует плеткой скалу разрубить!
Мы найдем, чем задобрить владыку-зайсана
И свидетелей нужных сумеем добыть.

IV

На работе тяжелой растрачены силы,
Юность, радость, веселость сгорели дотла.
Ты собакой побитой к родному аилу
Со слезами из байских владений пришла.

Только дома судьба твоя будет похуже.
Плачет мать:
— Со стыда на мне платье горит!

Разве путная может расстаться с мужем?
Ведь пословица мудрая так говорит:

Пучка* там засыхает.
Где выросла.
Девушка там живет до конца,
Куда выдана.

Дерево там сгнивает,
Где выросло.
Девушка там умирает,
Куда выдана.

V

«Есть же где-нибудь правда на свете!»
Так подумала Арбачи.
И решила пойти к зайсану,
Чтоб о горе своем рассказать.

Вот стоит она, жалкая и худая,
Страх и крупные слезы в глазах,
Перед ней — знаменитый, могучий,
Каа —толстый, дородный зайсан.

И дрожа, словно лист под ветром,
Стала сказывать Арбачи,
Как жила она тихо покорно
И работала на Дябы.

И за это ее, как собаку,
Свекор злой из аила прогнал.
Что ей делать теперь горемычной?
Пусть научит великий зайсан.

Не дослушав рассказ, громогласно
Закричал толстопузый судья:
— Что ты, баба? В своем ли уме ты?
Ты подумай-ка, что говоришь?

Кто Дябы на Алтае не знает?
Знает всяк — и глухой, и слепой.
Это ж доблестный, родовитый
И почтеннейший человек.

И тебе ль, оборванке безродной,
С ним тягаться? Ступай-ка вон!
А не то — прикажу тебя в плети...
До чего обнаглели, псы!

VI

С камнем горькой обиды на сердце,
С жаром ненависти в душе —
По долинам с сухими глазами
Шла суровая Арбачи.

И от речки, сверкавшей на солнце,
Как отточенный нож стальной,
Обернувшись назад, погрозила
Крепко стиснутым кулаком.

— Кровопийцы! Настанет скоро
Нашей радости светлый день!
Ведь не даром забитая горем
Вашей гибели ждет беднота.

И, шагая домой сквозь травы,
По нарядным счастливым цветам,
Арбачи вспоминала песни
Пастухов батраков-горемык:

Подрастет жеребенок буланый,
Будем весело ездить на нем!
Передохнут ярлыки, зайсаны, —
Жизнью радостной мы заживем!

Подрастет кобылица гнедая, —
Будем ездить на ней без кнута.
Передушим шаманов и баев, —
Вот тогда оживет беднота!

Часть вторая

I

Много лет отцвело, много зим отплыло.
Грянул громом восстанья Семнадцатый год
Генералам, буржуям, купцам-обиралам
Грозный счет пред'явил угнетенный народ.

Птица—весть залетела в долины Алтая:
«Сброшен царь—самый сильный кровавый зайсан.
Вот добьем его слуг кровожадную стаю, —
Будет власть трудовая рабочих, крестьян».

И впервые в те дни Арбачи услыхала
Имя Ленина, ныне знакомое всем.
Его знает повсюду и старый, и малый,
Это имя на всех языках прозвучало
В миллионах легенд, сказок, песен, поэм.

«Ленин — радость рабочим, крестьянам,
Ленин — счастье забитым рабам.

Ленин — знамя, восстанье, борьба.
Ленин — смерть кулакам и зайсанам.
Ленин — смелый защитник бедных.
Ленин — самый большой большевик.
Ленин — мудр, Ленин прост и велик,
Ленин — нас приведет к победе».

Вот, как бедный алтайский народ
В песнях Ленина славил в те годы.
Арбачи веселее глядела вперед,
Знала, верила — скоро придет
Власть Советов, сзывая народы.

II

Советы! Вы стоили многих мучений
И крови и жизней!.. Свобода!
Тебя мы добыли в горячке сражений,
Тебя отстояли в походные годы!
Каракорумцы* проклятые! Гады-бандиты!..
Волков одичавшая стая!
Сколько замученных, сколько убитых,
Сколько ограбленных вами!.. Навеки
Вас проклянут эти горы и реки,
И травы, и люди Алтая.

Каракорумцы!.. Зайсанские слуги!..
Байская черная власть! Воронье!
Вы снова хотели скрутить наши руки
И пить нашу кровь... Проклянут навеки
Вас — нашей родины горные реки,
Цветы и свободные дети ее!

Красноармейцы! Бойцы—партизаны!
Под мудрым водительством большевиков
Разгромлены вами бандиты, зайсаны
И прочая нечисть! Поют, не смолкая,
Вам песни хвалебные ветры Алтая,
И птицы, и люди вовеки веков!

И ты, Арбачи, помогала победе.
С отцовской винтовкой в рядах партизан
Ты смело шагала по вражьему следу.
За слезы, обиды ты шла расплатиться,
И нашей победой ты можешь гордиться,
И орден почетный не зря тебе дан!..

III

Прошли, отшумели военные годы...
В Улалу едут люди из разных мест.
Там с'езд победителей, с'езд свободных
Беднейших алтайцев с'езд*...

Туда, через буйные реки,
Через горы, леса, ключи —
В лучшей шапке, и в лучшем чегедеке
Приехала храбрая Арбачи.

Там она мудрые речи слушала:
— Товарищи!
Нокорлер!
Джелдастар*!..

Черное прошлое нами задушено,
Белая гадина нами задушена, —
Радуйтесь — мал и стар!

Пусть несется по всей вселенной —
Шире моря, выше облаков —
Наша слава великому Ленину,
Слава партии большевиков.

Будем, товарищи, дружно работать,
Кончилось рабство тяжелых годин.
Да здравствует советская Ойротия!..
Страна Советов, езендык болзын*!..

Литературный перевод *В. Непомнящих*

Очерки, повести

Павел Кучияк

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ

Очерк

I

Давно оборвался треск лиственных дров, исчезло пламя, обуглились головешки. Юрта погрузилась в тишину.

Мундусов Диргал тихо и осторожно, словно охотник, подкрадывающийся к зверю, вошел в юрту, наощупь отыскал крючок для сбруи, повесил узду.

«Неужели мать уснула? Или рассердилась, услышав мои шаги», — подумал он.

Чтобы не разбудить ее, тихо подошел к очагу и, присев, стал раздувать угли. Сырые дрова долго не загорались. Диргал, почернев от натуги, прилежно дул в очаг.

Мать, приподняв голову, наблюдала за сыном.

— Ой, ей! — посмеялась она и с присущей старухе

медлительностью тихо поднялась с постели и подошла к огнищу, чтобы помочь сыну.

Когда дрова весело загорелись, она спросила:

— Где ты был до самой ночи?

Сын промолчал. Усевшись у огня, он добавлял дров в разгоревшийся костер.

Мать, недовольно вздыхая, поставила чайник на огонь.

— Собрание опять было, что ли? Где ты пропадал до полуночи?

Диргал, чтобы совсем не обидеть мать, поторопился с ответом:

— Да, было комсомольское собрание...

Мать подошла к шкафу, достала деревянную чашку с выломленным краем, оставшуюся Диргалу в наследство от отца, положила в нее толкан и поставила перед сыном.

— Чай наливай сам. Когда напьешься, прибери посуду. Мне что-то нездоровится.

Она легла на постель.

Диргал налил чаю, отпил один глоток. Ему вспомнилось, что говорили о курсах шоферов. Он опустил взгляд в середину круглого тагана, будто в пламени искал ответа.

— О ком же ты скучаешь так? — забеспокоилась мать.

— Не о ком не скучаю. Это просто так...

Диргал взял чашку и стал пить.

Сегодня меня записали на какие-то автомобильные курсы, вот я и обдумываю...

— Какие это такие курсы? Где они будут?

— Кажется, в Онгудайском аймаке... В Ине...

— А если у человека нет желания ехать, то неужели насильно могут послать?

В голосе матери звучала тревога.

— Комсомольца куда угодно пошлют. Комсомолец от порученной ему работы не должен отказываться.

Диргал налил себе вторую чашку.

— Меня, как комсомольца, посылают...

Напившись чаю, он сам убрал посуду. Потом расстелил постель возле очага и лег на спину.

Молодое сердце сильно билось. В голове бродили разные мысли:

«В какие места поеду я? Как буду учиться? Кто бы сказал — далеко ли отсюда до Ини?»

И созрело твердое решение:

«Что будет, то и будь, поеду!.. И, пока не выучусь, не вернусь».

На следующее утро Диргал встал с восходом солнца. Поймав низкорослого, толстого Рыжка, он быстро его оседлал. Мать поднялась вслед за сыном и стала возиться у очага. Диргал торопил ее:

— Если чай вскипел, то накормите меня...

— Скоро вскипит. Не торопись на еде, а торопись на езде. Эту пословицу не забывай, сынок...

Диргал боялся, что спутники его уедут и он останется один.

Мать, не сводя с сына глаз, настаивала:

— Когда приедешь в аймак, заяви, что ты в хозяйстве единственный работник и попроси, чтобы тебя освободили. Дома лучше...

— Лучше?.. А помнишь как я лето и зиму, весну и осень пас овец бая Манжи?.. Босиком... Подошвы ног потрескались...

— Тяжелые годе те прошли...

В душе, однако, мать радовалась, что перед ней не молчаливый подросток, каким выглядел сын вчера, а разговорчивый парень с ярко пылающим лицом.

Диргал не наелся досыта. Легко вскочив на ноги, он глубоко надвинул на голову шапку и туго затянул опояску.

— Ну, всего хорошего...

Мать вышла за ним. Сердце ее ныло.

«Никогда никуда не ездивший в дальний путь, как он только поедет?»

Диргал отвязал от коновязи Рыжка и второпях два раза ступил мимо стремени. Потом, поймав стремя, быстро вскочил в седло и поскакал вниз по долине.

Пока видно было сына, мать стояла у юрты.

«Хорошо было бы, если бы эти курсы отменили»,— подумала она.

Конь скакал берегом реки. Седок с детства пил воду на вершинах рек Ело и Каирлыка, но где эти реки сливаются — он не знал. Он никогда не бывал дальше Теньги. Теперь впервые ехал рядом с большой рекой.

Вскоре Диргал догнал товарищей.

Вот и село Онгудай. От родного урочища до него 50 километров. Но никогда здесь не бывал Диргал Мундусов.

Много домов, много народу! Все здесь интересно, захватывающе!.. У Диргала устали глаза от внимательного осмотра новинок.

Вместе с товарищами он вошел в двухэтажное здание аймакисполкома*.

«Какой большой дом и как много в нем комнат! И как эти люди, работающие здесь, не могут заблудиться», — рассуждал про себя Диргал.

Они вошли в кабинет председателя. За столом сидел ойрот с большими черными глазами и широкими скулами. Лицо его говорило о большой энергии.

— Вам что нужно, товарищи?

— Мы едем на автомобильные курсы... От вас бумажку надо? — сказал Ойношев.

Ойрот обрадовался: с верховьев больших дальних рек, из глухих урочищ молодежь двинулась за знаниями!

— Хорошо! Хорошо! Вот это действительно храбрецы парни!

Он встал, повысил голос:

— То, что вы поехали на курсы шоферов, — результат заботы о вас коммунистической партии. Она нас из темноты вывела на светлый путь и дала нам возможность овладевать техникой.

Он говорил громко, точно на митинге:

— Вы, товарищи, никогда не должны отступать от того пути, по которому пошли...

Диргал с жадностью ловил каждое слово и, казалось, прятал их себе за пазуху.

Потом председатель быстро оборвал свою речь:

— Теперь, товарищи, идите к секретарю... Вон туда... Он выдаст вам документы.

В соседней комнате сидел круглолицый человек с голубыми глазами.

«Этот секретарь, наверное, не знает ойротского языка. Как мы с ним теперь договоримся?» — подумал Диргал.

Но ойротские слова неожиданно прозвучали:

— Вам что, товарищи?

— Нам нужна бумага, чтобы ехать на курсы, — сказал Диргал и покраснел.

— На какие курсы хотите ехать?

Диргал повернулся к Ойношеву:

— На какие курсы мы едем?.. Я забыл...

— На автомобильные курсы...

Секретарь улыбнулся:

— Ну, молодцы! Скоро будете с железными конями!

Он быстро написал бумажку.

— Лошадей своих отсюда отправьте обратно. Дальше вы поедете на машине.

Когда друзья вышли из аймакисполкома, Диргал Мундусов спросил Ойношева:

— Он сказал: «поедете на машине» — это что означает?

— Ой, парень, ты про такие дела меня не спрашивай, я и сам не понял...

Лошадей отправили обратно.

Глядя вслед убегавшему коню своему, Диргал с грустью думал:

«Придется ли мне еще когда-нибудь поездить верхом на лошади?»

Все направились к месту, где должна была стоять машина. Издали послышались необыкновенные звуки: тынгк... тынгк... тынгк...

— Слышишь, Диргал, как бьется сердце незнакомого коня, на котором мы поедем?

Когда они подошли к машине, разговорам не было конца. Один говорил, что он и раньше видел такую машину, другой доказывал, что он сам ездил на этой машине. Диргал видел автомобиль впервые.

Все удивлялись тому, что сердце машины бьется очень сильно.

Обойдя кругом, увидели, что из-под ног стального коня вылез человек. Лицо у него было в масле и казалось пестрым. Кожаная куртка была чем-то вымазана и блестела на солнце.

— Ну, садитесь! — сказал шофер.

Когда все уселись, сердце стального коня забилось еще сильнее.

Машина рванула и закачалась по плохой дороге.

«Эта дикая лошадь, не знающая поводьев, не уронила бы нас», — подумал Диргал и стал искать взглядом за что бы покрепче ухватиться.

Мимо вихрем неслись телеграфные столбы и одинокие лиственницы — они казались сплошной стеной.

Вскоре поперек дороги встала высокая, крутая гора. Диргал не представлял как можно на этом коне переваливать через такую высокую и крутую гору.

«Вот если бы мой Рыжка был здесь, я, не задумываясь, перемахнул бы через эту гору. А этот конь едва ли спустит нас живыми... Разобьемся»...

Тяжкое молчание об'яло всех.

— Видишь, Диргал, какая высокая гора, — заговорил, наконец, один из товарищей. — Через нее нам придется переваливать.

— На все гляжу с вниманием... — ответил Диргал.— А какая это гора? Перевалим ли мы ее благополучно?

— Ты разве не слыхал, что есть такая большая гора, которая называется Чике-Таман. Это она.

Диргал вспомнил. Когда он был маленький — взрослые говорили:

— Есть крутое место Чике-Таман, где разбилось много лошадей и людей.

Они под'ехали к подножью горы. Широкая и ровная дорога, перерезывающая большие черные россыпи, шла на под'ем. Диргал еще крепче ухватился за борт машины:

«Вот здесь то мы и перевернемся вместе с железным конем».

И он стал думать, как ему лучше спрыгнуть, если случится катастрофа.

Тем временем автомобиль подходил к вершине перевала.

— Ребята, смотрите, внизу дорога! — крикнул кто-то из спутников.

Диргал увидел едва заметную тропинку, извивавшуюся между больших камней и бесконечных россыпей по краю гранитных скал. Он не успел хорошенько рассмотреть дорогу, как автомобиль перевалил на другую сторону горы и стал спускаться по блестящему шоссе.

— Эта дорога проложена при советской власти, — сказал один из спутников. — А это старая дорога, по

которой баи и купцы увозили с Алтая награбленное золото и серебро...

Диргал Мундусов принимал все это близко к сердцу. Думая о прошлом, он хотел бы вернуться и еще раз посмотреть на старый путь, тяжелый для бедняков, но прибыльный для богачей. Машина однако уносила его вдаль. Новые горы встали на дороге.

— Здесь в двадцатом году была большая война с белыми. Красная армия и красные партизаны здесь потеряли многих своих боевых товарищей.

Слушая это, Диргал думал:

«Белые наверное вон за тем камнем лежали и стреляли в красных. Да. Сила у Красной армии большая, когда она сумела победить белых, засевших в эти каменные крепости».

Диргал старался рассмотреть лежавшие около дороги камни. Не заметил, как под'ехали к быстроводной Катуни.

Мартовское солнце клонилось к западу.

— До того места, где мы должны учиться, автомобилю, наверное, сегодня не добежать,—опасался Диргал.

Дважды переплыли Катунь на пароме-самоходе. Солнце спрятало последние лучи. Спускались сумерки.

Глядя на реку, Диргал вспомнил песенку, которую когда-то пела ойротка:

Реку Катунь я переплывала,
Видела на дне черно-пестрые камни.
Реку Иртыш я переплывала,
Видела на дне красно-пестрые камни.

«Почему же я эти черно-пестрые камни не заметил?» — подумал Диргал.

— Скоро! Скоро приедем в Иню, — говорили ребята, знавшие дорогу.

Мундусов с нетерпением ждал, когда откроется Иня. На прозрачном небе появилось много звезд. Парню показалось, что темно-синее небо с яркими звездами

спустилось к земле, а звезды как будто собрались в кучу.

— Ой! ребята! Там на земле, как звезды!.. Что это такое? — вскрикнул Диргал.

— Небо упало, -- пошутил один из спутников.

— Это ининские звезды.

— Ты когда-нибудь видел электричество?

— Где я мог видеть, товарищи... Не знаю, поэтому спрашиваю вас.

— На этом месте, где горит электричество, как звезды яркие, года четыре тому назад не было ни одного столба. Зимой тут свету не было, летом трава не росла. А теперь видите что? Как звезды — огонь, как муравьи — народ.

Еще раз переплыли через Катунь. Наконец, машина ворвалась в селение. Диргал увидел, что огни горят на столбах и при тех огнях можно в пыли легко найти иголку. То там, то тут проносились автомобили. Предупреждающе гудели. Диргалу, ошеломленному бодрым шумом, не хотелось уходить с площадки. Чудная жизнь началась при ночных огнях.

II

Большие дни шли в этой шумной, громыхающей Ине. Дни упорной учебы. Первое время грамота Диргалу казалась недостижимой. Ему трудно было учиться еще и потому, что он не знал русского языка, а учителями были русские. Машина во всей своей сложности впервые предстала перед Мундусовым. Дни и вечера уходили на учебу. Часто парень прихватывал ночи. Вскоре появились головные боли. Диргал слушал беседу и злился на себя за то, что даже знакомые слова оставались непонятными.

Часто думал о прошлом:

«В худое время родился я. За обглоданные кости пас скот у бая Манжи. Если бы я родился при советской власти, я ребенком научился бы грамоте».

Постепенно Диргал ликвидировал свою неграмотность, стал понимать русские слова с пятого на десятое.

Самым приятным занятием было для Диргала — разбирать сердце автомобиля. Он помогал шоферам, проводил ночи в гараже.

Сетовал лишь на то, что преподавание велось на русском языке.

«Товарищи, знающие русский язык, по учебе далеко уйдут от меня».

В таком положении был не один Диргал. Он все чаще и чаще слышал от своих товарищей:

— Это просто мученье... Лучше уехать домой и заняться другим делом.

Диргал всегда обрывал их:

— Другие ничем особенным не отличаются от нас, а научились машинами управлять. Чем мы хуже их. Учителя тоже не виноваты, что они алтайского языка не знают.

Про себя он давно решил:

«Что будет, то и будь, а назад я не отступлю».

Прошло три месяца, на курсах не осталось и половины слушателей. Из комсомольцев, приехавших из урочища Ело, остались только Диргал и Арбын. Они подбадривали друг друга:

— Добьемся, Диргал, того, что поводья стального коня будут в наших руках...

— И пустим мы, Арбын, этого коня прямо на баев да на кулаков... Всех врагов раздавим.

На одно из практических занятий, когда курсанты изучали мотор, в мастерскую вошел, косолапя ногами, как новорожденный теленок, невысокий праздношатающийся человек с натянутой на глаза кепкой, с

руками в карманах. Увидев ойротов с частями мотора в руках, он подошел прямо к Диргалу, ткнул в него пальцем:

— Тебя даром хлебом кормят. От тебя никакой пользы не будет! Ты способен только сидеть в дымной юрте и есть кислый сырчик да пережженный толкан.

Незнакомец ехидно захохотал.

Мундусов злобно покосился на него, хотел сказать: «Если у тебя нет работы, то немедленно уходи отсюда, не мешай нам, грязный язык свой подальше спрячь». Но стоявшие рядом с Диргалом курсанты-русские опередили его:

— Гришин, не мешай...

— Завтра на рабочкоме вопрос о тебе поставим.

— Вытолкать его из мастерской немедленно... — Ишь, нализался.

Курсанты напали на Гришина, как пчелы на потную лошадь.

Гришин увидел, что не найти ему среди учащихся и рабочих сочувствующих себе, что выстреленная им пуля к нему же пришла. Курсанты смотрели на него с укором. Он сплюнул уголками губ, быстро повернулся и вышел из мастерской.

— Ты, Мундусов, на таких людей не обращай внимания, — сказал один из курсантов. — Гришин — пособник классового врага.

— Мы о нем сегодня же доложим начальнику, — сказал молодой парень.

Диргал молчал. На губах его сияла теплая улыбка. Ему было приятно, что и здесь нашлись друзья и приятели. В эту минуту ему хотелось сказать тем курсантам, которые еще недавно посмеивались над ним:

«Постойте, когда я узнаю все части автомобиля и овладею им, тогда посмотрим, кто будет смеяться»...

III

Упорство Диргала побеждало. По Ине прошел слух: «Скоро Мундусов в совершенстве овладеет автомобилем»...

Это обрадовало парня. Он ходил, не чувствуя под собой земли. Часто думал:

«Приехать бы на автомобиле в родное урочище Ело. Как бы посмотрели на меня те алтайцы, которые вместе со мной приехали учиться, а потом сбежали с курсов».

Однажды Диргал получил письмо, запечатанное в конверт, сделанный из газеты. Он быстро разорвал конверт и начал читать. Кто-то под диктовку матери написал:

«Дорогой сын Диргал!

Что с тобой случилось? Здоров ли ты? Почему так долго не возвращаешься домой? Я устала ждать тебя. Приезжай скорее. Довольно заниматься игрой, нужно работать. Мы сейчас живем в колхозе. Говорят, что из колхоза продукты и деньги будут получать только те, кто работает. Я стара. На четырех человек мне трудно заработать. Сил нет. Скорей приезжай домой. Любящий сын должен мать свою при жизни кормить, при смерти похоронить.

Твоя мать Инчулай».

Диргал прочитал письмо несколько раз.

Через бумагу, покрытую строчками, он как бы разговаривал с матерью. А потом долго сидел в раздумье:

«Разве я могу уехать домой? Но и не ехать нельзя: старая мать не может работать наравне с другими и мало хлеба получит. Как они будут жить?»

Вдруг он вспомнил, что на курсах говорили: «Диргал скоро овладеет автомобилем». Сомнения покинули его.

В глазах загорелись огоньки, сердце забилось быстро, быстро.

— Нет, домой я не поеду.

Он схватил лист бумаги. Писал, волнуясь, торопясь, часто лизал карандаш.

«Дорогая моя мама!

Хорошо ли вы живете? Овцы и скот хорошо ли пасутся? Письмо ваше я получил и сам прочитал его. Я был этому очень рад. Мама! Вы ошибаетесь: я здесь не играю, а учусь большому делу. Вы пишете: «скорей возвращайся домой». Мама, по окончании учебы домой не ездят, а работают на той работе, которой учились. Я не могу выполнить просьбы. Но я никогда не брошу вас.

Хотел написать больше, но сейчас начинается учеба, надо бежать на занятие. Досвидания, мама! Скоро я сяду на железного коня и приеду к вам в гости.

Твой сын Диргал».

IV

Прошло много недель. Приближался тот день, когда Диргалу вручат машину. Он ждал этот день, как большой праздник. Однажды начальник автобазы вызвал его к себе в кабинет.

«Почему одного меня вызывают?» — недоумевал Диргал, не зная в чем дело.

Коленки его дрожали, когда он вошел в контору. Начальник косо взглянул на него и снова углубился в чтение какой-то бумаги.

— Зачем пришел? — спросил он, отбросив бумажку.

— Вы меня вызывали. Я — Мундусов.

— А, знаю. Ты прилежно учился. Теперь мы тебе вручаем автомобиль. Будешь шофером.

Начальник улыбнулся:

— А вспомни-ка, каким ты был шесть месяцев тому назад. А теперь — шофер.

Диргал от радости не мог вымолвить ни одного слова.

— Машину береги. Езди аккуратнее, — говорил начальник.

Мундусов быстро повернулся и шмыгнул в дверь. Темно-коричневое лицо его сразу порозовело. Подбегая к гаражу, он кричал заведующему:

— Которую из этих машин я должен взять?

Машину Диргал берег. Когда она стояла в гараже, он целыми днями вертелся около нее, очищал от пыли и грязи, протирал мотор.

Он говорил своим товарищам-алтайцам:

— Железный конь пьет бензин. Не попьет — не побежит. Бензин надо беречь.

Когда он во время заправки случайно проливал на землю капли бензина, он осуждал себя:

— Это что за глаза, которые не видят куда надо лить; это что за руки, которые не берегут бензина!

Вскоре ему дали распоряжение отправиться с экспортным грузом в Монголию. Перед от'ездом председатель месткома напомнил:

— Кто хорошо и быстро будет ездить и бережно относиться к машине, тот получит премию.

Комсомольцы вызывали друг друга на социалистическое соревнование. Диргал одним из первых заявил:

— Я включаюсь в социалистическое соревнование и об'являю себя ударником. Вызываю товарищей...

Смело садясь за руль, он подумал:

«Я никогда не буду последним»...

Машина рванулась в сторону Монголии. Извилистый

Чуйский тракт с отвесными скалами и высокими обрывистыми бомами* не страшил Диргала. Молодой шофер обладал необходимой решительностью и смекалкой. Он говорил самому себе:

— На этих бомах, на крутых поворотах нужно крепко держать стальные поводья железного коня, и все будет в порядке...

Когда нутро железного коня сильно нагревалось, Диргал останавливал машину, хватал ведро и бежал к грохочущей Чуе или к водопадам Айгулака, черпал воду и утолял жажду быстроногого коня.

— Пей досыта... — тихо разговаривал он, будто с живым существом. — Напился, говоришь? Ну ладно, поедем дальше...

И он опять мчался по каменной дороге, переваливал лысые горы с черными россыпями. Вблизи дороги — синевато-белые шпили снеговых вершин подпирали голубое небо.

— Вот и граница.

Диргал подумал, что когда-то его отец по этим горным склонам гнал из Монголии стада коров бая Манжи.

Доставив груз по назначению, Мундусов повернул домой и, радуясь тому, что выполнил задание по-ударному, запел:

Нынче пил я воду рек,
Которых не видел мой четырехлетний конь.
Побывал я в тех местах,
О которых не думал мой дед.
Нынче пил я воду рек,
Которых не видел мой шестилетний конь.
Побывал я в тех местах,
О которых не думала моя мать...

Бодрый стук мотора заглушал песню Диргала.

V

Много раз ездил Диргал в Монголию, много мяса перевез, много шерсти перебросил. Возвращаясь в Иню, он всегда чувствовал, как радостно билось сердце.

— Я с'ездил быстро, без происшествий...

Но были и такие дни, когда на черные глаза его навертывались горькие слезы. — Однажды, возвращаясь из Монголии, он поднимался на гору Бююрель. Вдруг он почувствовал, что у серо-черного коня не хватает сил, чтобы взять один из крутых под'емов. Задние колеса беспомощно крутились на одном месте. Неожиданно сердце машины остановилось, не было слышно ни шума, ни рокота. Диргал выпрыгнул из кабинки, открыл мотор. Долго и внимательно осматривал все части и все же не мог узнать, что сломалось.

— Что это такое? Неужели глаза мои ослепли?

Он в отчаянии ударял себя ладонью по лбу.

Глаза его наливались кровью, лицо почернело, сердце хотело выскочить из груди. Он растерянно бегал вокруг машины, плевался и бурчал:

— Если бы это случилось на Чуйском тракте, где день и ночь ходят машины, мне не пришлось бы так долго стоять. Проезжие шофера помогли бы исправить машину. А здесь что я буду делать?

Кругом — песчаные просторы, холмистая степь, не видно ни одного жилья.

Хотя время шло медленно, но осеннее солнце уже начало бороздить верхушки лысых гор, намереваясь упасть за каменные шпили. Диргал смотрел вдоль по тракту, не покажется ли где облачко пыли, поднятой автомобилем.

Нигде ничего...

Спустились черные сумерки. На синем небе зажглись

яркие звезды. Холмы и сопки исчезли. Тихо подкрадывалась ночь.

Мысли Диргала рассыпались, как звезды. Больше всего страшило Диргала то, что он находился на чужой земле, кто знает, что ждет его ночью. Вдруг нападут грабители?.. Что тогда?.. Ведь груз в автомобиле — государственная собственность. Он не находил себе места. В правой руке сжимал заводной ключ от машины.

— Если кто попытается напасть на меня, я государственную собственность без борьбы не отдам...

Он залез в кузов и там прилег. Взгляд его был устремлен в темно-синее небо. Яркие звезды сплошь покрыли небосвод, они лежали, как ячменная крупа в чугунном казане.

— Как много сегодня звезд на небе!

У Диргала в голове дум не меньше, чем звезд на небосклоне.

Прошло много времени. Как Диргал ни боролся с дремотой, сон одолел его. Он захрапел. Вдруг ключ выпал из рук, загремел. Шофер вскочил, схватил ломик, зорким взглядом обвел машину.

Вскоре пришло утро, хмурое, нерадостное. Ни в той, ни в другой стороне не было видно ни одной машины.

Вот и солнце взлетело высоко над снеговыми вершинами. Диргал почувствовал жажду. Потом ему страшно захотелось есть. А кругом по-прежнему ни души.

Черные мысли кидали Диргала в дрожь:

— Как я буду ночевать здесь вторую ночь? Вдруг нападут грабители?

Перед вечером со стороны Кобдо появился столб пыли. Вскоре можно было разглядеть автомобили, шедшие друг за другом. Диргал от радости не находил себе места, суетливо бегал вокруг машины, открыл мотор, чтобы шофера могли быстрее найти поломку.

Клубились мысли о том, как он вместе с этими шоферами двинется к границе...

Передняя машина подошла вплотную, шофер закричал:

— Что ты здесь делаешь?.. Дай дорогу...

— Помогите, товарищи! Я со вчерашнего дня здесь стою.

— Мы тебе поможем...

Гришин погрозил кулаком и заругался.

— Я тебе, татарская морда, раньше говорил: «сидел бы дома да ел сырчики», ты меня слушать не хотел. так теперь попляшешь...

Диргал узнал того шофера, который когда-то на курсах смеялся над ним.

«От этого мне помощи ждать нечего, — подумал он. — Но мне помогут шофера, едущие на задних машинах».

Молодой шофер со средней машины крикнул:

— Ребята! Давайте поможем ему.

Гришин оборвал его насмешливо:

— Ты поплачь с этим татаришком, а мы посмотрим. Ха-ха-ха.

Машины свернули с дороги. Столб пыли побежал за ними. Диргал сдернул шапку, ударил о земь и сел на нее.

— Только бы до границы добраться... Номера машин я все запомнил...

Горько Диргалу. Он готов был рвать на себе рубашку.

— Что это за люди, у которых нет ни малейшей жалости к живому безвинному человеку?

Он кричал громко, будто верил, что шофера услышат его:

— Это не люди, а звери. Это настоящие классовые враги.

Вдали растаяли тучи пыли.

Мундусов снова подошел к своей машине, упавшим голосом спросил:

— Скажи, дорогой товарищ, скажи, мой железный конь, где, что у тебя поломано? Что у тебя болит? Как хорошо было бы, если бы ты, мой неразлучный товарищ, мог говорить...

И опять упало солнце за острые шпили. Небо покрылось тучами. Диргала мучил голод. По всему телу разлилась усталость. Губы потрескались, язык опух. Парень открыл автомобильный бак с водой и, зажмурившись, пропустил глоток неприятной воды. От черных дум разламывалась голова:

— За что я здесь страдаю? Не лучше ли пешком отправиться в Кош-Агач.

Он туго подтянул опояску, нахлобучил шапку на голову и двинулся. Но, не сделав и пяти шагов, остановился, как будто кто-то схватил его за одежду. Укоризненно звенели чьи-то слова:

— Постой! Ты куда? Ведь тебя на эту работу выдвинул комсомол. Тебе поверили, что ты никаких трудностей не испугаешься. А ты...

Диргал, круто повернувшись, пошел к своей машине. С прежней твердостью повторил знакомую фразу:

— Если нападут грабители, буду отстаивать государственное добро до последней капли крови.

С ледников дул холодный ветер. Диргал не мог уснуть всю ночь. Веки, казалось, омертвели, глаза резало до боли. Диргал думал:

«Где же произошла поломка у моего железного коня? Очевидно плохо я изучил его».

На следующий день он почувствовал сильную слабость в теле, руки и ноги отказывались двигаться. Но он сполз с машины, осмотрел мотор и опять не обнаружил поломки. Ругал себя:

— Мало я учился... Мало.

Оттого, что Диргал двое суток ничего не ел, даль-

ние горы из черного камня ему казались теперь желто-красными.

Две бессонные ночи совсем ослабили Диргала. Ему казалось, что время остановилось. Он лежал на земле, смотрел на густые звезды и не видел их.

В полночь сон поборол его. Он не почувствовал, как наступил рассвет, поднялось солнце, теплые лучи обогрели его.

Вдруг где-то у самой машины раздался громкий крик. Что это такое? Диргал вскочил, снимая увесистый ключ, готовый расколоть врагу голову. Его била дрожь. Обернувшись, он увидел рядом со своей машиной секретаря комсомольской ячейки автобазы.

— Товарищ Ваня! — захлебываясь радостью, крикнул Диргал.

Позади машины секретаря комсомольской ячейки стояло еще несколько грузовиков. Шоферы спешили к Мундусову.

— Что случилось?

— Серьезная поломка?

— Трое суток на этом месте... — рассказывал Диргал. — Ни крошки хлеба, ни капли воды. Вы наверно услыхали, что я здесь стою и приехали меня выручать?

— Неужели за это время не прошла тут ни одна машина? — спросил один из шоферов.

— Машины проходили. Но никто мне не хотел помочь.

— Ну, ладно. Мы это так не оставим. Хорошо, что ты номера запомнил.

Ваня занялся машиной, а высокий шофер с русым пухом на верхней губе притащил мешок с хлебом.

— Держи, только сразу много не ешь. Это тебе теперь вредно.

Не прошло и пяти минут, как сердце серо-черного

коня забилось уверенно. И сердце Диргала встрепенулось. Он подбежал к Ване, схватил его за руку:

— Ну, Ваня! Чем тебе заплатить за эту большую услугу? Говори сейчас же.

— Что ты, милый... Ничего не надо.

— Спасибо. Всего хорошего, товарищ Ваня.

Мундусов впрыгнул в кабинку, схватился за рычаги и громко бросил:

— Три дня ты стоял на выстойке, негодяй! Теперь наверно скорее быстрого ветра побежишь?!

VI

Председатель собрания посмотрел на Диргала.

— Как это произошло, что из первой группы шоферов никто не помог тебе?

Мундусов окинул взглядом всех присутствующих на собрании, словно искал кого-то.

Заговорило сразу несколько человек:

— О подробностях Диргала нечего допрашивать. Надо у Гришина спросить...

— Исключить Гришина из союза.

— Он кулацкий сын. Отец его и вся родня — сосланы.

— Показательный суд над ним устроить.

— Правильно. Другим не повадно будет.

— И тех, кто с Гришиным ехал, тоже судить.

— Чтобы не пачкали славы рабочего класса.

Председатель чувствовал себя так, как будто он шел навстречу сильному ветру. Он стучал сначала карандашом, потом кулаком о стол, призывая к порядку.

Когда шум умолк, Мундусов заговорил:

— Мне кажется, что я сам виноват в том, что просидел три дня. Я плохо изучил машину. Всю вину на этих товарищей я сваливать не могу...

— Ты не прав, Диргал, — сказал секретарь парткома. — Мы рассматриваем их поступок, как поступок классовых врагов и их пособников...

Собрание постановило: исключить виновных из союза и отдать под суд.

— За такого грязного да под суд...

Гришин покосился на Диргала и вышел из клуба.

Через три дня состоялся суд. Гришина приговорили к пяти годам. А других шоферов, которые также не оказали помощи Диргалу, но которые на суде признали себя виновными, суд приговорил к шести месяцам условно.

VII

Диргал снова в Онгудае. Ему хотелось теперь, через семь месяцев, побывать в родном урочище Ело, увидеть свою мать Инчулай.

Секретарю аймачного комитета партии т. Толток и председателю аймакисполкома т. Кардаманову нужно было ехать в Усть-Кан. Начальник автобазы отрядил для поездки в Усть-Кан Диргала.

— Ой! — вскрикнул Диргал. — Я к матери в гости приеду на железном коне, как писал когда-то!

Подошли пассажиры, пошутили:

— Смирный ли конь у тебя? Может быть дикая неуч? Разобьет?

— Ничего. Усаживайтесь плотнее, да не шевелитесь, не щекотите коня, тогда доедем благополучно.

Диргал повернул стальные поводья серо-черного коня вправо, машина помчалась вверх берегом Урсула. Из-под резиновых копыт вылетел столб пыли.

Раньше Диргал от стариков слышал сказки про богатырей. Старики пели:

— Ворон не успеет перелететь через беспредельную степь, а богатырь перенесется с быстротой вихря. Сорока не сумеет перелететь через высокую гору, богатырь пронесется с быстротой ветра. А сейчас он сам, Диргал Мундусов, ехал со скоростью сказочных богатырей.

Не успели оглянуться, а впереди уже виднелась деревня Туяхта, а за ней — знакомая остроконечная гора, разделяющая урочища Теньги и Ело. Здесь Диргал провел свое детство. Здесь он, босой и полуголый, пас овец бая Манжи. По этим тропам ездил на своем неразлучном друге — Рыжке. Теперь он по тем же тропам с быстротой ветра пролетел на своем новом друге — на железном коне.

По правую сторону речки Ело расположились аилы ойротов. Обитатели их, услышав незнакомый шум, бежали навстречу машине. От дальних юрт скакали на лошадях.

Диргал остановил автомобиль возле своей юрты. Рыжко, стоявший у коновязи, испугался железного коня, порвал повод и ускакал на гору. Мать Диргала, когда она увидела, что Рыжко убежал, бросило в дрожь.

Она готова была обругать виновников.

Из автомобиля вышли Толток и Кардаманов. Из кабинки выпрыгнул Диргал. Все направились к юрте.

— Здравствуй, мама!

Парень в хромовой тужурке, в новых сапогах, в шлеме и в кожаных перчатках подошел к Инчулай, протягивая руку.

Мать узнала сына только по голосу. От радости по морщинистым щекам ее покатились слезы. Утираясь концом опояски, она тихо спросила:

— Сынок, значит такой-то у тебя конь теперь?

— Да, мама, этот самый. Рыжко теперь будет вашим...

Диргала окружили друзья детства, расспрашивали его о жизни и работе. Возле машины стояли школьники. За ними — старики, опершись на костыли; поодаль женщины с грудными детьми на руках. Диргал с большим трудом пробрался сквозь толпу к автомобилю и надавил сигнальный рычаг. Толпа хлынула во все стороны. Люди падали, давя друг друга, кричали:

— Ой! ой! что это такое?

Степенные мужики медленно пятились и полушутя просили шофера:

— Диргал! Заставь твоего коня еще немного покричать.

А потом, снова, окружив машину, расспрашивали:

— Ты где сидишь во время пути? Где твое седло?

— А поводья где? Как ты его останавливаешь, расскажи.

В стороне стояло несколько молодых парней. Они не поздоровались с Диргалом и не подходили близко к машине. Они боялись, что вот сейчас Мундусов громко и торжествующе спросит их:

— А где ваши железные кони? Что вас заставило сбежать с курсов? Убежав с курсов, что вы хорошего сделали дома?

Толток подошел к шоферу:

— Ну, Диргал, покажи колхозникам, как железный конь умеет быстро бегать.

— В самом деле, покажи, — поддержал Кардаманов. — Свою мать посади и прокати как следует.

Старики Енчелей и Ижут, перебивая друг друга, упрашивали Мундусова:

— Покатай, Диргал! В старое время мы вместе с тобой обучали диких байских лошадей... помнишь?.. сколько раз они нас калечили... Ты уже не пожалей своего коня, прокати...

— Садитесь, товарищи! — крикнул Диргал. — Мама, ты садись вот сюда... Сейчас быстрее ветра помчимся...

— Что ты! что ты, сынок! — разохалась старуха. — У меня голова кружится, я не могу...

Ее никто не слушал. Колхозники подхватили старуху подмышки и забросили в автомобиль. В это мгновение она вспомнила старые пословицы:

«Если упадешь с коня — подстилкой будет грива лошади». «Если упадешь с коровы, то подстилкой будут рога коровы».

И с испугом спросила сына:

— А если упадешь с этого коня, что будет подстилкой?

Машина летела вниз по долине. Старик Ижут, покачиваясь на мягком сидении, думал:

«Правду говорили большие начальники, что придет время, когда колхозники будут из золотой чашки воду пить. Придет такое время! Вот я уже езжу на железном коне!»

Когда машина остановилась возле юрты старухи Инчулай и народ окружил ее, Толток прыгнул в кузов. Обводя взглядом всех собравшихся, кидал в толпу звонкие слова:

— Товарищи колхозники! Раньше нас обирали кулаки и баи. Ойротия была колонией русского царя. Благодаря Октябрьской революции, мы пришли к мирной, новой жизни. Благодаря тому, что партия большевиков правильно проводит национальную политику великого вождя Ленина, мы создаем социалистическую культуру. Мы учимся грамоте, учимся технике и с неописуемой энергией строим наше новое социалистическое хозяйство. Посмотрите на этого парня, на Диргала. С малых лет он пас байских овец. Он не знал грамоты, не знал ничего, кроме овец, коня,

юрты и леса. А теперь он ездит на железном коне, выполняет большую работу.

Он прокашлялся, повысил голос:

— Не нужно, товарищи, ни шагу отступать с того пути, на который мы встали! Под руководством коммунистической партии и любимого нашего вождя товарища Сталина мы пойдем вперед к социализму!

Возле юрты Инчулай — большой праздник. Люди, никогда не видавшие даже простой телеги, простого колеса, теперь рассматривали умно устроенный автомобиль.

Диргал занял место Толтока. Впервые он говорил так длинно и гладко:

— Товарищи! Всегда и везде у нас должна быть одна мысль, одна цель — учеба, овладение техникой. Это необходимо для того, чтобы успешнее строить социализм. Для человека нет ничего непреодолимого. Вы меня хорошо знаете, помните, как я полуголый и голодный пас овец, принадлежавших баям. А теперь я преодолел первые трудности учебы. Я никогда не скажу, что я всему научился, нет, еще много и много надо учиться. Если вас будут выдвигать на какие-нибудь курсы, вы должны ехать с радостью.

Мать удивлялась тому, как быстро изменился сын.

— Досвиданья, товарищи!

Диргал прыгнул в кабинку, включил мотор.

Машина загудела и ровно, уверенно полетела вверх по долине, навстречу улыбающемуся небу, голубым горам.

Всадники провожали ее криком, шумом, песнями.

Ойрот-Тура
1932 г.

Перевод *К. Филатова и А. Коптелова*

Павел Кучиян

ЮСКЮСУУЛ

Повесть

I

Еще слышалось замиравшее вдали эхо выстрела.

Вниз по долине, туда, где серебрится полоска реки Урсула, где разбросался черными точками табун, — стремительно уносилась серая лошадь. Она взметывалась на дыбы, шарахалась в стороны и снова вытягивалась в бешеной скачке.

На боку у лошади болталось седло. Порывы ветра доносили слабое позвякивание стремян...

Юскюсуул очнулся. Сразу возникла и потерялась какая-то мысль. Все тело напряглось. Появилась мучительная потребность что-то вспомнить.

— Но что, что же нужно вспомнить?..

Слух ловил далекое урчание Урсула. Оно приходило откуда-то сверху, смешиваясь с шелестом листьев.

Юскюсуул сделал попытку подняться, но не смог. Перед глазами поплыли синие и красные круги. В висках тяжело застучало. В груди стало жечь, словно туда воткнули раскаленный гвоздь.

— Ох, что же это такое!.. Почему так трудно?..

Юскюсуул громко застонал. Рука с трудом поднялась и легла ладонью на больное место. Пальцы ощутили — сначала складки рубашки, словно покрытые высохшей смолой, потом — мокрое, липкое.

Взгляд пробежал по груди и насторожился на руке, у кисти.

— Кровь!.. А!..

Юскюсуул вспомнил скрюченную фигуру Еликбаша на сухопарой вороной лошади. Это было недалеко от перевала Ак-Коо. Еликбаш смотрел, как дикая кошка перед прыжком. Козлиное лицо его было перекошено судорогой.

Юскюсуула тогда сразу охватило тревожное чувство, сердце словно остановилось, и он еще через силу крикнул:

— Стой, что хочешь делать?..

А потом — помнился только резкий, оглушающий выстрел.

— Ох, что же это такое?.. Почему он стрелял?.. Разве не такой-же он батрак, как и я?.. Разве мы что нибудь не поделили?..

Мысли одна за другой — приходили и уходили. Вслед им сухие, липкие губы посылали бессвязные слова.

Словно во сне Юскюсуул слышал крикливое вечернее щебетанье птиц, доносившееся из леса, назойливое, под самым ухом, жужжание цикад, горячее стрекотание кузнечиков. Оно—то наполняло голову ужасным шумом, то становилось вдруг нежным, перелизчатым, как звуки топшура*...

Солнце склонялось за мохнатые верхушки гор. На землю опускалось дымчатое покрывало прохлады. С севера наступили сумерки.

II

По вечерам, когда в том месте неба, где закатывается солнце, воздух принимал оттенок желтого горного мака, Юскюсуул бежал к реке и взбирался на большой гладкий камень, что лежал у дороги к устью Шибея. Засунув обычно в рот подол своей грязной, изодранной рубахи, с камня Юскюсуул подолгу и сосредоточенно, как большой, вглядывался вдаль.

Из-за темно-зеленой полоски у устья Шибея поздно по вечерам приезжал отец Юскюсуула Кыпчак. Он привозил маленькому сыну свой дневной заработок: кусочки кислого сыра, иногда мясо, чаще всякие об'едки, что оставались после хозяйского обеда. Юскюсуул любил эти об'едки. Среди них попадались иногда очень вкусные бараньи хрящики, кости с мозгом. Их можно было долго глодать и обсасывать.

Когда вдали показывалась немного сгорбленная фигура Кыпчака на серой лошади, Юскюсуул стремглав бросался навстречу. Он быстро семенил ножонками, подбрасывая их немного вверх, радостно махал руками и пронзительно вопил:

— Отец, отец едет!..

Костлявый, хмурый конь Серко встречал Юскюсуула недружелюбно. Он не любил, особенно после целого дня работы, когда у него перед носом прыгают и визжат. Юскюсуул же, расставив ручонки, каждый раз загораживал ему дорогу, и очень шумел. И Серко недовольно прижимал уши и нервно хлопал себя по худым бокам длинным грязным хвостом.

Зато, несмотря на усталость, во все лицо всегда улыбался Кыпчак. Он встречал Юскюсуула тепло, приветливо.

— Здорово, сынок. Здорово, маленький мой!

Кыпчак наклонялся с лошади, обхватывал сына рукой и сажал его перед собой на седло. Потом отвя-

зывал от пояса небольшой узелок и вытаскивал из него что-нибудь вкусное.

Прижимаясь к отцу, Юскюсуул торопливо жевал, а Кыпчак гладил его заскорузлой рукой по голове и приговаривал:

— Кушай, мой маленький. Кушай, сиротка моя!

...Юскюсуул рано лишился матери. Кыпчак овдовел, когда сыну было всего лишь два года.

Мать умерла от какого-то огня, что долго сжигал все ее внутренности. Юскюсуул плохо помнил мать и знал о ней только по рассказам отца.

Кыпчак и Юскюсуул жили в маленькой, почерневшей от копоти и времени юрте — на берегу мутного Шибея.

Всю свою жизнь Кыпчак работал на баев. Батрачество легло тяжелым бременем на его плечи с десяти лет. И чего он только не делал у баев. Он и скот у них пас, и сено косил, и пригоны городил, и дрова резал.

С утра до поздней ночи работал Кыпчак, но никогда не было у него лишнего куска хлеба, никогда не испытывал он чувства радости жизни.

Когда родился у него сын, а было это в долине Урсула, в урочище Усть-Шибей, — словно что-то посветлело в душе Кыпчака. Как-то на руках с Юскюсуулом он пустился даже в пляс. Но потом заботы, непосильный труд за гроши — снова согнули, снова остались внутри только чернота да горечь.

Умерла жена, и вовсе молчаливым и хмурым стал Кыпчак. Улыбался он только, когда встречал по вечерам своего маленького Юскюсуула, и делился мыслями только с ним.

Так шли годы, изо дня в день, — все одинаковые, почти ничем не отличавшиеся друг от друга.

Когда Юскюсуулу исполнилось восемь лет, грянула вдруг война. Отец возвращался домой тревожный, мало разговаривал и все думал.

Однажды он сказал сыну:

— Придется уезжать нам отсюда, мой маленький. Хозяин говорит — идет какое-то войско, которое всех режет и бьет. Хозяин собирается уезжать. Велел и мне с ним ехать.

...Люди в долине волновались. Особенно беспокоились баи. Прошел слух, что войско, двигающееся к урочищу, всех разоряет, особенно богатых.

Кыпчак не знал, что ему делать, кого слушать. Хозяин требовал, чтобы он ехал вместе с ним, вверх по реке Чуе, а один знакомый батрак, бывавший в городе, уговаривал никуда не ездить. Говорил, что войско то — батрацкое, что бедняков оно не трогает и даже помогает им.

А тут еще Юскюсуул тревожил Кыпчака горькими слезами. Никуда не хотел ехать маленький сын от своей юрты, от своей реки.

Пока думал Кыпчак, хозяин его однажды ночью исчез вместе со своей юртой. Как потом говорили — бежал он, вверх по реке Чуе, вместе с другими баями.

И остался Кыпчак в урочище—ждать странное войско, что не трогает, как говорил знакомый, бедняков.

Пришло это войско скоро. Действительно, странные в нем были люди. Они говорили, что теперь хозяевами земли и пастбищ, и всего скота — будут только бедняки да батраки.

Удивлялся Кыпчак, слушая такие слова, и верил он, и не верил.

III

Гражданская война на Алтае продолжалась уже второй год. По аилам свирепствовал тиф. Не обошла эта черная болезнь и юрты Кыпчака. Старик весь высох и целыми ночами метался в жару.

Юскюсуулу в это время минуло уже одиннадцать лет. Ухаживал он за отцом как мог.

«Теперь, — думал он, — когда я хожу по юртам и достаю отцу пищу, теперь я уже взрослый»...

Да, Юскюсуул выглядел значительно старше своих лет. Ведь радость детства почти не коснулась его, а печали сменяли одна другую.

Однажды вечером Кыпчака не стало. Юскюсуул остался совсем один. Тяжелые наступили дни.

Как-то к юрте Юскюсуула под'ехал вернувшийся с гор бай Бекюш.

— Твой отец, малютка, — сказал он зло смеясь, — был мне должен. Есть ли у тебя средства расчитаться со мной за долг отца?.. Если у тебя нечем платить, то за долг я возьму лошадь твоего отца...

Юскюсуул растерялся. На глазах у него выступили слезы. Он ничего не ответил баю.

Бекюш ударил плеткой коня и быстро поехал прочь.

Когда Юскюсуул опомнился, он быстро смахнул слезы и, погрозив вслед баю кулаком, бросился к своему Серко.

— Бай Бекюш тебя отобрать у меня хотел, ты это знаешь? — быстро заговорил он, целуя лошадь в морду.

Серко теперь лучше относился к Юскюсуулу, но все же еще с некоторым недоверием. Кроме того, он не любил нежностей. А неожиданные поцелуи вовсе ему не нравились. И он недовольно косил глаза, дрожал и мотал головой, — как тогда, когда его одолевали оводы.

Юскюсуулу же казалось, что Серко его понимает. И он снова и снова целовал его, и гладил по седой гриве, и старался крепче прижаться к худой, жилистой и очень большой шее.

Прошел день, и пришел другой день, когда снова

приехал Бекюш. Он молча отвязал Серко и потянул его за собой.

Юскюсуул бросился вслед, кричал, просил бая.

Бекюш ударил коня плеткой и поскакал. Быстро побежал и Серко. Юскюсуул не мог так быстро бежать. Он споткнулся и упал... Лежал он так до самого вечера.

...Однажды Бекюш снова под'ехал к юрте Юскюсуула.

— Ты ведь приходишься мне племянником. Если хочешь, можешь жить у меня. А когда вырастешь, я отблагодарю тебя, как своего сына, — сказал он.

Юскюсуул уже ненавидел Бекюша самой большой ненавистью. Но что было делать?.. А кроме того — там был его дорогой Серко.

И Юскюсуул пошел к Бекюшу.

Тяжело и горько было жить у «дяди». Работать заставляли много. Кормили плохо. Из юрты гнали, как собаку. И с нетерпением Юскюсуул ждал всегда заката солнца, чтобы напиться чегеня*, чтобы иметь право свернуться клубком — недалеко от своего Серко.

Так прошло еще несколько лет.

IV

По берегам реки снова появились юрты. На зеленых пастбищах паслись табуны лошадей. Громко блеяли по вечерам стада овец.

Юскюсуул смотрел на новую жизнь в урочище и удивлялся. Она многим отличалась от той жизни, что была, когда жив был отец.

Теперь всякие дела решал совет. А старшим в нем был бедняк Чевелков. Хозяин платил теперь за рабо-

Пьесы

Павел Кучияк

ПЕТЛЯ

Пьеса в 4 действиях

Действие происходит в одном из колхозов Алтая в 1933 году.

ДЕИСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БАЛТЫРГАН — председатель колхоза, бывший батрак
КАРТЫС — секретарь партячейки колхоза.
ШОНКОР — пастух колхозного табуна, бывш. красн. партизан
МЕРГЕНЧИ — комсомолец, активист
ЫМЗА — доярка, колхозная активистка.
ТУЛЬКУНЕК — счетовод правлен. колхоза, в прошлом белобандит
ОДНА — его жена
МОЛТЫЙ — животновод, бывший бай
ТАНУ — его дочь.
ЧЫМДЫ — пастух овечьего стада колхоза
КУЧЕШ — представитель аймакисполкома

ДЕЙСТВИЕ I

В правлении колхоза

Балтырган. — (Просматривает бумаги). Голова кружится от этой работы... Эх, если бы я был более грамотным! (Встал, подошел к окну). Тогну, Тану... Что ты делаешь сейчас, моя милая?.. Когда же ты будешь моей женой?..

Тулькунек. — (Входит со счетами). Здравствуйте, мой председатель. Как ночевали?

Балтырган. — Ничего, хорошо... А вы как?

Тулькунек. — Я тоже хорошо. Только вот обижают меня всякие... Из бывших баев... Но об этом — потом. А сейчас скажите мне, мой председатель, почему у вас лицо невеселое? Может, неприятности какие?

Балтырган. — Неприятности?.. Нет! Просто устал немного. День и ночь ведь кручусь.

Тулькунек. — Да, если так работать, как вы, можно и здоровье потерять и глаза кривые станут... Вашу работу должны видеть и слепые. А не видят, наверное, и многие зрячие. Так вот и с моей работой. Вы человек партийный и конечно хорошо видите как я стараюсь для колхоза. Но... все же ругают, прямо терпеть нельзя.

Балтырган. — Ничего, надо крепиться. Ругают ведь не друзья, а враги... Мы же вас очень ценим. Никто из

нас здесь не смог бы вести так хорошо то дело, что вам поручено. Партия говорит, что самая большая и трудная работа в колхозе — это счетоводство... Если счетовод плохой, то и весь колхозный учет плох. А это всегда ведет к судебным делам...

Тулькунек. — О, дорогой мой председатель. У нас этого, конечно, никогда не будет. Со мной вам нечего бояться. Я ведь старый волк!..

Балтырган. — Все мои надежды на вас, дорогой Тулькунек... Да, я и забыл вам сказать. В аймакисполком срочно требуют сводку. Надо сегодня же составить и отправить ее.

Тулькунек. — Я уже приготовил. Вот. Проверьте. Если подходящая, подпишите и отправим.

Балтырган. — (Просматривает сводку). Я думаю, надо показать, что все виды работ мы выполнили на сто процентов... Если чего-либо у нас сейчас и не на все сто, то все равно потом же выполним!..

Тулькунек. — Постойте, председатель. Если все сделать на сто процентов, то исполком нам не поверит. Лучше дать разные проценты... Большие, конечно, но разные...

Балтырган. — А как это? Об'ясните...

Тулькунек. — А вот как. Позвольте сводку (читает). Покрыто лошматок на 95 проц., коров на 97,5 проц., подготовка к сенокосу проведена на 80 проц., теплые дворы подготовлены на 90 проц. и так далее... Понимаете, председатель?..

Балтырган. — Понимаю... Только вот у вас сказано— покрыто коров на 97,5 проц... Не спросят ли нас, как мол получилась половина коровы?..

Тулькунек. — Нет, председатель, ничего. Ничего здесь особенного нет. Такие проценты бывают...

Балтырган. — Ну, ладно. Давайте. (Подписывает). Вот, можете посылать. О-хо!.. Сегодня хотел с'ез-

дить посмотреть постройку дворов по животноводству и опять верно день пройдет, не с'езжу.

Тулькунек. — Я думаю, вам не обязательно все время ездить смотреть. Если будете все время к ним ездить, то не будет у них к вам уважения. Начальник должен быть начальником!.. Почему раньше начальников так боялись и уважали?.. Потому, что они строги были. И мало с самим народом дела имели... Раньше если начальник едет, так не знают куда деваться. А теперь... Теперь — чуть на голову не наступают.

Балтырган. — Пожалуй, вы правду говорите. Очень часто хуже ездить... Привыкают. Подтягивать их труднее становится.

Тулькунек. — Я никогда, дорогой мой председатель, не говорю неподходящих слов. Не даром в свое время зайсан Быйдыш поручал мне судебные дела. Пускай сын Педец Тулькунек делает суд, — говорил он... Но вы не подумайте, председатель, — я бедным людям всегда помогал... Да! Забыл совсем, старый дурак. А как, председатель, выполняется ваш план?

Балтырган. — Какой план?

Тулькунек. — А о чем прошлый раз говорили... о подыскании друга сердца...

Балтырган. — А-а, вот вы о каком плане спрашиваете. По этому плану я хотел с вами посоветоваться... Вы с ней ведь по соседству живете. Что вы видите и слышите?

Тулькунек. — Одно скажу — если вы не поторопитесь, то останетесь не при чем. Ее крепко сватает один видный партийный человек. На этих днях он хочет взять ее к себе... Надо поспешить. Может быть, один день даст вам тысячу дней, каких вы хотите, мой председатель.

Балтырган. — (Бросает шапку на стол). Откуда взялся этот видный коммунист? Что ему надо здесь?!. Кто бы он ни был, я его к Тану не подпущу.

И не я буду, если я ее не возьму... Вы должны помочь этому делу... Если будет нужно — за Тану отрежу и отдам кусок своего тела...

Тулькунек. — Я вам помогу, мой председатель, сколько сил хватит... Между прочим, моя жена давно начала ее сватать за вас...

Балтырган. — Да, да... Спасибо ей... Все некогда этим серьезно заняться... Ну, а теперь займусь!.. Теперь — будь что будет, а пока я ее не возьму, ни за какие дела по колхозу не возьмусь!

Тулькунек. — Я тоже думаю так... Колхозная работа никуда не убежит. Ваше же дело такое — сегодня есть, а завтра нет. Поэтому надо выполнить сначала свое дело, а потом колхозное...

Балтырган. — Эх, ничего в голову сейчас не идет!

Тулькунек. — Где же пойдет, когда сердце болит... Разве я не понимаю... Тоже когда то был молодым...

Тану. — (Входит и нерешительно останавливается у порога). Здравствуйте... Я наверное помешала старшим людям?..

Тулькунек. — Почему помешали, нисколько!..

Балтырган. — Наоборот, милая, хорошо, что пришли... Я очень и очень рад вашему приходу... Садитесь, Тану, милая...

Тану. — Ничего. Спасибо. Я постою...

Тулькунек. — Зачем вам стоять. Садитесь, пожалуйста. Не стесняйтесь... А я вам мешать не буду. Пойду погуляю. Пусть кстати отдохнут усталые пальцы (хочет уйти).

Тану. — Однако, я думаю, лучше мне уйти, чем вам. Лучше я уйду.

Тулькунек. — Нет, нет! Никуда вы не пойдете! Садитесь и разговаривайте... (Усаживает Тану, уходит).

Балтырган. — (После неловкой паузы). Тану!.. Я очень рад вашему посещению. Даже, вот, гово-

рить трудно... Если не веришь, разрежь грудь, посмотри...

Тану. — Ну что вы, что вы...

Балтырган. — Тану, люблю я вас... Очень люблю!.. И никому вас не отдам!.. Слышите, никому!.. И пусть не сватают!..

Тану. — А меня никто и не сватал... И я ни за кого выходить пока не думаю...

Балтырган. — Врешь! Я от надежных людей слышал, что ты за человека старше меня выйти хочешь... Если я увижу этого человека, убью!..

Тану. — Неужели так любишь?..

Балтырган. — Да, так!.. Из-за тебя дело стал забывать... Сегодня, вот, хотел бригаду проверить, да мысли о тебе покоя не дают...

Тану. — Как-бы из-за меня бригады твои еще не осиротели... особенно бригада доярок... Уж лучше я пойду (хочет встать).

Балтырган. — (Удерживает Тану). Я тебя не пущу!..

Шонкор. — (Входит. Смутился). Ой, не туда, однако, я вошел?..

Тану. — Мне спешить надо... (Убежала).

Шонкор. — (Растерянно). У меня только одно маленькое дело...

Балтырган. — Сейчас никаких дел. Потом!.. (Надел шапку, хочет уйти).

Шонкор. — Мне бы только немного хлеба в счет трудодней.

Балтырган. — Я сильно тороплюсь. Спроси Тулькунека. Он кладовщик. (Уходит).

Шонкор. — (Один). Да!.. Молод, молод наш председатель... И крепости мало... Однако чего же делать? Лисы этой старой Тулькунека, пожалуй, не дождешься...

Тулькунек. — (Быстро входит). Ого, Шонкор,

здесь!.. Ты один? А мне показалось, кто то меня называл.

Шонкор. — А... Нет... Где пасем лошадей, туда подходили щенки лисы*... Так вот я тут вспомнил об этом и сержусь, что не мог их поймать... А зря ваше имя зачем называть...

Тулькунек. — Щенки лисы, говоришь?.. Жаль. Жаль, что не попалась пушнинка...

Шонкор. — Ничего. Куда денется? Еще попадет...

Тулькунек. — Куда едешь-то?..

Шонкор. — Сюда приехал... Председатель не хочет разговаривать. Ушел с какой-то девицей...

Тулькунек. — А, да. Ему сейчас не до разговоров. Наш председатель хочет из хорошего рода жену себе взять. Я за него очень рад.

Шонкор. — Я не знаю. Мне трудно хвалить род этой девушки. Пусть уж для вас баи будут хороши, а я раньше у них много батрачил, знаю...

Тулькунек. — Раньше чего не было. Если обо всем думать, не передумаешь...

Шонкор. — Ошибаетесь Тулькунек. Волченка сколько ни корми, он все в лес смотрит... Так и с байским поколением. Трудно от них хорошего ждать... Но, если мы будем разбираться в прошлом, просидим десять дней. Лучше дайте мне хлеба и я скорей поеду к своему стаду.

Тулькунек. — Хлеба совсем нет.

Шонкор. — Совсем нет?.. А куда же он девался?..

Тулькунек. — Все роздали...

Шонкор. — Странное дело...

Тулькунек. — Эх, смотрю я на вас бедняжёк и сердце болит... Но что поделаешь. Такая уж наша колхозная жизнь... Если бы у меня было свое, то не отказал бы тебе...

Шонкор. — Но вы, как член правления, скажите — как же быть с хлебом?..

Тулькунек. — Не как член правления, а просто так, я свое мнение скажу... Пасти скот и оставаться голодным — глупо... Если бы я был на вашем месте, я бы резал скотину... Да, да! За пищу никто взыскать не может, особенно если хлеба нет. Не навозом же скотским питаться...

Шонкор. — Я с вашим мнением не согласен... И так много скота зарезали... Это не годится... Без разрешения председателя колоть скотину не будем... Ну, ладно, пока!.. (У х о д и т).

Тулькунек. — Все вы по одному в мою петлю попадете. (Г р о з и т к у л а к о м).

ДЕЙСТВИЕ II

В доме Балтырган

Балтырган. — (П ь е т ч а й). Я теперь никуда не могу отлучиться. Дел много своих...

Картыс. — А разве ты считаешь колхозные дела чужими делами?..

Балтырган. — Колхоз никуда не убежит, а свои дела могут потеряться...

Картыс. — Что же это за дела такие?

Балтырган. — Ты сам знаешь...

Картыс. — Не пойму.

Балтырган. — Если бы у тебя не было жены, сразу бы понял...

Картыс. — Фу-ты! Я думал он хочет землю перевернуть, а оказывается дело только в бабе... (И г р а е т н а т о п ш у р е).

Балтырган. — Если бы ты знал, что эту девушку у меня отбивают, то не говорил бы так... Коммунист один большой отбивает...

Картыс. — Брось врать, что байскую дочь большой коммунист отбивает!.. Вижу я, что попал ты в петлю...

Мергенчи. — (Быстро вбегает). Есть-ли такой закон, товарищ председатель?.. Ту лошадь, на которой я возил лес, животновод Молтый отбирает. Говорит, что колоть ее надо... Я не стал давать, так он взял палку и перебил ей ногу, а потом говорит — вот вози теперь... Прошу разобрать.

Картыс. — Безобразие!.. Кто видел это?..

Мергенчи. — Все видели!..

Балтырган. — Ну, ладно, ребята. Шибко не волнуйтесь. Лошадь эта старая. А людям нужно мясо. Молтый знает, что делает. Я ему разрешил.

Картыс. — Ну, если так, тогда возражать не приходится...

Мергенчи. — Не врите!.. Такой сильной и крепкой на тело ни одной лошади у нас нет...

Балтырган. — Ну, если вы мне не верите, то управляйте сами. Слушать незаслуженные упреки и ругательства я не хочу.

Картыс. — (К Мергенчи). Надо думать, председатель лучше нас знает... По моему, если лошадь пропала, ее не воротишь. Ссориться нечего.

Мергенчи. — Секретарь партийной ячейки не должен так думать.

Балтырган. — Эти лодыри не знают чего делать... И не за колхозное имущество они стоят, а за свои интересы. Постой, скажу комсомольской ячейке, хвост тебе наломают...

Мергенчи. — Я это дело не оставлю. Я напишу в аймакисполком. (Уходит).

Балтырган. — Исполкомом человека не испугаешь. Если пойдешь жаловаться, наложим штраф трудоднями...

Тулькунек. — (Входит со счетами.). Больше я работать не могу. Каждый меня ругает. Вчера Чымды ругал. Наговорил таких слов, что на устах не поместятся... Сегодня выругала Ымза, которую я любил,

как свое дитя... В колхозе я жил ради вас. Теперь я решил уйти... Возьмите счеты и увольте...

Балтырган. — Опять неладно... Опять кулачье козни строит! Опять придется... Возьмите счеты, Тулькунек, и продолжайте работать. Мы их одернем как следует.

Картыс. — (Тулькунеку.). А вас эти люди за что ругают?

Тулькунек. — Почем я знаю, кажется никому худа не делал...

Картыс. — Неужели ни за что будут ругать человека?.. Я думаю, что-нибудь все-же есть...

Тулькунек. — Сократил, говорят, трудодни... Хочешь, говорят, с'есть наш хлеб...

Картыс. — Ну, вот видишь, что-то значит есть...

Балтырган. — Не работают, лодырничают, а потом жалуются, что кто-то трудодни их с'ел, с людьми ссорятся... Паршивый народ! Проучить их нужно...

Картыс. — (Балтырганy). Ну ты, как видно, никуда сегодня не поедешь?

Балтырган. — Сам видишь, куда я могу поехать.

Картыс. — Ну, я тогда пошел. (Уходит).

Тулькунек. — Все упирают на то, что в банде я был... Но ведь я тогда же был несознательным. И разве можно старое вспоминать теперь. Теперь совсем другое дело... От чистой души говорю, мой председатель, что старого Тулькунека нет. Иначе — пусть я закачусь с этой восходящей луной. Даю тебе клятву, мой председатель!

Балтырган. — Правое дело всегда оправдается. Будьте покойны Тулькунек. Пока моя голова цела, из вас никто кулака не сделает.

Тулькунек. — (Прислушался, вынул из-за пазухи бутылку водки.) От долгих разговоров пересохло в горле, мой председатель. Не промочим-ли?..

Балтырган. — Давайте... Только поскорее, пока никого нет.

Тулькунек. — Хотя вы и моложе годами, но старше по чину, поэтому первую чашку вам. Пейте, мой председатель.

Балтырган. — Нет, погодите. Есть старая пословица: «Голова не знает своего мозга, арака не знает своего хозяина». Пейте первую чашку вы, потом буду пить я.

Тулькунек. — Нет, я не согласен. Если бы я хотел выпить, то еще дорогой выпил-бы. Это вино я специально для вас вез. Кроме того, я знаю другую поговорку: «Если кто привез вино, да сам вперед выпьет, то у него полы у шубы сгорят»...

Балтырган. — (Пьет вино.) Для того, чтобы укрепить колхоз, мы с вами много постарались. Таких, как мы, людей не найдешь. Я думаю нашу с вами работу начальство оценит как следует...

Ымза. — (Входит.) Здравствуйте!..

Балтырган. — Здравствуйте!.. Кстати ты пришла... Ты, Ымза, почему вот этого старика ругаешь?..

Ымза. — Его не только ругать надо, его и судить надо! По его делам я и пришла к вам с жалобой...

Балтырган. — Ну, ну. Расскажи. Смотри только как-бы не его, а тебя судить не пришлось... Он наш колхоз из всяких тяжелых положений выручает, а ты...

Ымза. — Постойте, постойте, председатель. Я сейчас все расскажу. Я сказала: почему коров не случаете? А он говорит: это тебе видно быка надо, что ты так беспокоишься. Что, говорит, коровы тебе жаловались что-ли?.. Молтый тоже вместе с этим стариком меня ругать стал. А за что, если я только о хозяйстве беспокоюсь?.. По милости вот этого старика да Молтыя из колхоза люди уходят...

Балтырган. — Кто из колхоза уходит — тот байский приспешник. У вас только ругань да сплетни. Молтый

сам знает, что надо делать. Он животновод, грамотнее вас!.. Последний раз говорю — прекратите ваши лишние разговоры и ссоры...

Ымза. — Вижу я, наши жалобы вас не интересуют...

Балтырган. — Не хочу слушать сплетни!..

Ымза. — Ну, если вы нас не хотите выслушать, то в другом месте нас видно выслушают... Только не сердитесь тогда. (У х о д и т).

Балтырган. — Тоже думает аймакисполкомом запугать!

Тулькунек. — Эх, если-бы по прежним законам — взял бы да и надел ей на шею хомут, да закатил-бы горячих...

Балтырган. — Нет, так тоже нельзя... Прежние законы не для нас... Послушаешь стариков, все плачутся о прежних законах и о прежней жизни. И удивление меня берет. Хуже того, как плохо было мне жить в батраках, и не придумаешь. Нет, я и в глаза видеть не хотел-бы старой жизни. И баев никогда видеть не хотел-бы...

Тулькунек. — О-о-о, сын мой, вы еще очень молоды. И ты плохо знаешь старую жизнь. Не все баи были одинаковы. Немало было баев, которые бедняков кормили. Вы, наверно, попали к плохому баю. А вот мы, как прежнее вспомним, не можем удержать слезы.

Чымды. — (В х о д и т.) Здравствуйте!..

Балтырган. — Ты зачем пришел?! Где овцы?

Чымды. — Овцы в пригоне... Обуви совсем нет... По камням ходить совсем не могу... Хоть плохую обувь давайте.

Балтырган. — А ты вчера вот этого старика за что ругал? Говори!

Чымды. — Я только просил обувь... Но не дали. И я только слова два сказал...

Балтырган. — Выходи вон, собака! За оскорбление этого старика штрафую тебя на 5 трудодней!

Чымды. — Виноват, виноват... (Уходит.)

Тулькунек. — Наконец-то наш председатель становится на правильный путь. Если так твердо делом не руководить, — ничего не выйдет... И я прежде такой-же был. Как гаркну, так у меня — кто-куда. Не знают, куда и спрятаться...

Балтырган. — Я имею к вам две просьбы. Первая — о падеже производителя никому ни слова... Вторая — Тану сегодня же возьмем в наши руки...

Тулькунек. — Хорошо, мой председатель!.. Я все время говорил, что жеребец пропал на водопое... А Тану мы сегодня заберем.

ДЕЙСТВИЕ III

В доме Тулькунека

Одна. — (Входит, наклоняется над спящим мужем.) Видишь, какой молодчик! Яд-то изо рта так и прет... Эх, волчья жизнь твоя. По ночам шляется, а днями спит... Ты сегодня встанешь или нет?! Люди тебя ждут!..

Тулькунек. — (Не проснувшись). Скажись! Кто называет мое имя, кто ходит передо мною? Скажись!

Одна. — Людям надо на работу. Тебя ждут, слышишь?

Тулькунек. — Кто смеет меня будить? Какие люди? Я сам богатырь. Со мной шутки плохи!

Одна. — Боже мой!.. И весь век так!.. Светлого дня не было.

Молтый. — (Входит пьяный). Ты, Одна, зачем плачешь?.. А Тулькунека кто обидел? Что это он лежит так?

Одна. — Его обидишь — как не так. Он с обеда воет, как волк...

Молтый. — Эй, Тулькунек, вставай! Ты хвастал: «я герой, молодец». Что же ты валяешься?

Тулькунек. — (Хочет ударить.) Не лезь!.. Пошла!..

Молтый. — Стой, стой. Я тебе, однако, не Одна. Если ты хочешь драться, так я тебя тоже могу стукнуть...

Тулькунек. — О-о-о, да это, однако, почтенный человек пришел! (Одне.) Эй, ты! Давай-ка, там немного осталось наверное. Давай сюда! Если с этим человеком не выпить, так с кем-же!

Одна. — Не проси, ничего нет... Давеча, как пришел, часть выпил, часть вылил...

Тулькунек. — Ты, вижу, давно не бита!

Молтый. — Стой, не связывайся с женой. Такое дело — нехорошее дело.

Тулькунек. — У нее, гадины, вся родня — коммунисты! Постой, погоди!

Молтый. — Тише, тише! Не кричи! Люди услышат, неприятность будет.

Тулькунек. — Неприятности?.. А... Ну, ладно. Молчу.

Молтый. — Слышал? Третьего дня Ымза в аймакисполкоме была.

Тулькунек. — Зачем?.. Чорт возьми, не нужно было Балтыргану трогать Ымзы...

Молтый. — Я думаю, бояться нам с тобой нечего. Мы люди маленькие. Отвечают за все Балтырган и Картыс.

Тану. — (Входит.) Можно?.. Здравствуйте...

Тулькунек. — Очи твои прозрачные, ум твой глубокий. Тану моя, откуда пришла?

Тану. — Из дому пришла...

Молтый. — Балтырган твой дома-ли, дочь?

Тану. — Ушел он куда-то. Я думала, что он у вас...

Молтый. — Эх, за хорошего мужа Тану наша выш-

ла!.. Ну, как вы милуетесь, мои дети, все ли мирно, во всем ли согласие?

Тулькунек. — Наверно уж обжились, пригляделись друг к другу?

Тану. — Разговоры эти мне слушать неприятно... Позвольте лучше о другом сказать. Новость одну...

Тулькунек. — Какую новость, дочь моя? Скажи ушам на радость.

Тану. — Мергенчи, Шонкор и некоторые другие во главе с Ымзой, говорят, проводят какие-то тайные собрания. Теперь ожидают приезда людей из области. Балтырган совсем с ума сходит.

Молтый. — Я думаю, что сегодня-же нужно выдать Шонкору, Мергенчи и Ымзе хлеб. Другого выхода нет.

Тулькунек. — По-моему, есть лучший выход...

Тану. — Ну, я пойду. Досвиданья. Пойду искать Балтыргана. (У х о д и т).

Молтый. — Я думаю, сегодня араку пить не надо. Кое-какие дела следует обдумать.

Тулькунек. — Наше солнце будет всегда светить! Наш праздник будет всегда нашим! Угощаться нужно до самой смерти! Чего бояться!

Молтый. — Постой, Тулькунек. Не шуми. Давай лучше о делах поговорим... А если спросят, отчего пали телята, какой ответ дадим?

Тулькунек. — Мы скажем — телята пали от дойки подсосным способом. Годится?

Молтый. — Лучшего не придумаешь. Пойдет. А чем об'ясним падеж ягнят?

Тулькунек. — Я думаю сказать, что ягнята пали от плохого корма. Больше ничего не придумаешь.

Молтый. — Это тоже годится... Теперь насчет падежа взрослых овец что скажем?

Тулькунек. — Я думаю, что это свалим на Чымды. Он пастух и он отвечает за них.

Молтый. — А если он скажет, что не давали обувь, что ходил босой, тогда как быть?

Тулькунек. — В этом может быть виновен только Балтырган... А вот насчет того, что сгорел хлеб, кто будет отвечать, дядя?

Молтый. — Это пустяки! Скажем, что огонь взялся от соломы и все! Да при том спросят ведь с полевода Шылбыка.

Одна. — (Входит, сквозь слезы). Ты беспутный подлец. У тебя даже полена дров нет! Для хозяйства никакой пользы от тебя нет. Где твоя совесть?!

Тулькунек. — Если тебе, проклятая, нужны дрова, то таскай сама, это не мое дело. Если есть хочешь — жри, хлеба у меня много. И молчи! А будешь язык распускать, вырву его!

Одна. — Много чужого хлеба ты замотал да пропил, многих заставил плакать... Хлеб твой облит людскими слезами. Я не буду есть его. Сам ешь, изверг! Убийца проклятый!

Тулькунек. — У, проклятая! На месте буду тебя судить! Вырву язык с корнем!..

Молтый. — Стой, стой! Не пущу. Угомонись. Эй, Одна, иди отсюда.

Одна. — (Выходит). Никогда не поклонюсь и до смерти не покорюсь. Где угодно перечислю его проделки.

Молтый. — Беда! Надо что-то решать... Пойдем к старшим.

Тулькунек. — (Кричит). Столкнуть бы только эту власть! Эх, как стал бы тогда рубить Тулькунек! Была бы рубка почище прежней...

Молтый. — Ты совсем сумасшедший человек. Ты что, под ответ хочешь попасть?.. Если не послушаешь меня, я уйду от тебя...

Тулькунек. — Ладно... Молчу. Только не уходи. По-

мрем — кости наши в одном месте будут, живем — душа пусть одна будет... Ну, пойдем к старшим!.. (Уходят).

ДЕЙСТВИЕ IV

Картина I

В избе Балтыргана

Балтырган. — Не было смерти, видно теперь помру. Ах, что я сделал. Сам в капкан залез... Видел петлю и все-же сунул свою голову...

Тану. — (Пробудившись). Ты что? Чего встал так рано? Что с тобой?

Балтырган. — С ума я схожу! Попал я в твою петлю. Теперь, видно, голову свою не выручу...

Тану. — В какую мою петлю? У тебя, видно, совсем голова в тумане... Если я тебе надела петлю, то я могу уйти домой...

Балтырган. — И ступай! Никто тебя не держит! Таких, как ты, сколько угодно найду...

Тану. — (Одевается). Ну, если такому молодцу я ни ночью, ни днем не даю покоя, то могу уйти... Пусть будет так...

Балтырган. — Стой, погоди! Нет, нет... Тану, дорогая, не могу я тебя отпустить... Забудь, что я сказал... Голова горит.

Тану. — Пусти, сказанное не воротишь. Не могу я больше с тобой оставаться. Пусти. (Уходит).

Балтырган. — Не думаю, чтобы ты далеко ушла... Воротишься. Не бросишь.

Тулыкунек. — (Входит). Здорово, мой председатель! Хорошо ли ночевали?

Балтырган. — Раз моя голова попала в петлю, можно ли хорошо ночевать?

Тулькунек. — Какая петля? На вашей шее я, по крайней мере, никакой петли не вижу!

Балтырган. — Люди, приехавшие из аймака, что-нибудь да делают, как ты думаешь? И за вас мне ведь достанется!..

Тулькунек. — Если из аймака приехали люди, неужели поэтому надо отчаиваться? Я думаю, что у нас дума должна быть одна. Растратчиков колхозного имущества мы должны выявить.

Балтырган. — А кто-же они, эти растратчики?

Тулькунек. — Чымды — большой вор. Мергенчи такой-же. Старик Шонкор их подстрекает. Всех их надо выяснить при людях. А потом приехавших из аймака позови к себе в гости, заколи барана... Приехавшие из аймака — люди-же, не медведи...

Балтырган. — Нашим словам теперь люди не поверят. Мы опоздали. Аймак теперь с нас спросит, не помилует... В петлю попали. Опоздали. Время прошло...

Тулькунек. — Видит бог, много мы с вами сделали, чтобы поднять этот колхоз...

Балтырган. — Вы это надели на мою голову петлю... Не льстите мне, идите отсюда!..

Тулькунек. — Вам добро я сделал, а вы прогоняете!

Балтырган. — Довольно! Ваши советы я слушал два года. Теперь слушать их уши мои устали. Уходите. Слышите, что говорю?

Тулькунек. — Что поделаешь... Утопающего человека хочешь вытащить из воды, а он тебе кусает руки... Ладно. Счастливо оставаться... (У х о д и т).

Балтырган. — Партия поручила мне работу колхоза поставить на правильный путь. Теперь с меня спросят, что я для этого сделал. А мне говорить нечего... В ты-

сяча девятьсот тридцать первом году было четыре тысячи восемьсот овец, а теперь...

Шонкор. — (Входит). Здравствуйте... Что новенького у вас слышно?

Балтырган. — Новенького? Новенького пока ничего не слышно у нас. Может у вас что нового есть?

Шонкор. — У нас все по-старому... Я только хотел сказать, что, когда самим разобраться трудно, нужно искать помощи дальше... Заботясь о тебе, я несколько раз говорил о твоих ошибках, но ты не обращал на это никакого внимания...

Балтырган. — Довольно! Уши мои не хотят больше слышать. От моего дома подальше ходите с вашими советами. А жалобщикам — вовсе в мой дом входа нет...

Шонкор. — Если вход в твой дом воспрещен, то почему не поставил ты у дверей караул? Если вход не воспрещен, то почему считаешь нас хуже собак? Ведь я хотел сказать тебе полезное слово. Ну, ладно, что поделаешь, прощай. (Уходит).

Балтырган. — Теперь еще новая жалоба на меня прибавится. Эх, что же делать, что-же делать!.. А что, если список скота затерять. Тогда и бояться нечего... (Рвет список).

Мергенчи. — (Входит). Люди из аймака зовут вас сейчас в контору.

Балтырган. — По какому делу? Ты знаешь что-нибудь или ничего не знаешь?

Мергенчи. — Не знаю...

Балтырган. — Скажи, что скоро приду...

Мергенчи. — Хорошо. (Уходит).

Тану. — (Входит). Я пришла за вещами...

Балтырган. — Тану! Прости, не уходи!.. Убей лучше...

Тану. — Бессовестный! А еще коммунист!..

Балтырган. — Ты меня больше не любишь, Тану? Говори правду, не любишь?..

Тану. — Любимый мною человек на меня не взглянул, меня он не полюбил... Силой любимой не быть...

Балтырган. — Я не пущу тебя, Тану... А убежишь, поймаю и пошлю тебя в ссылку вслед за отцом твоим и матерью...

Тану. — Нет, не пошлешь теперь! Я теперь не дочь богача, а жена коммуниста... Прощай! (Убегает).

Балтырган. — Ох, что же делать?! Вчера у меня билет взяли, а сегодня жена ушла... Эх, будь, что будет! Пойду! Нужно сказать правду! Если смерть, — так смерть, жизнь, — так жизнь! Пойду!

Картина 2

В правлении колхоза

Кучеш. — (Картысу). Где твои-то глаза были?..

Картыс. — Даже слов не нахожу говорить...

Кучеш. — Как ты думаешь, в какую сторону повернулся ваш колхоз?..

Картыс. — Вчера, как ты говорил, подпали мы под влияние кулаков и баев. Стали мы на путь контрреволюции... Правый уклон значит...

Кучеш. — Ты понимаешь, что это значит — «правый», «левый»?..

Картыс. — Плохо я про эти уклоны понимаю...

Кучеш. — (Входящему Мергенчи). Идет Балтырган или нет?

Мергенчи. — Сказал, что скоро придет.

Кучеш. — Ты, Мергенчи, за газету сегодня же принимайся.

Мергенчи. — Я сам тороплюсь. Сегодня, наверное, и выпущу.

Кучеш. — Что же это вы так отстаете? Разве пример

других колхозов для вас ничто? Многие колхозы сохранили молодняк целиком. Везде немало ударников. Большинство колхозников живут уже зажиточно. А вы что-же?

Мергенчи. — Товарищ Кучеш, я не могу ничего сказать... Станешь говорить о том, что не по душе, так и не слушают... Вот и Картыс тоже...

Картыс. — Все, что можно было слышать, мы слышали... Я виноват в том, что не обращал внимания на многое...

Тану. — (Быстро входит). Здравствуйте!.. Я к вам с обидой пришла. Мой муж сегодня меня выгнал. Как видно я была не женой, а батрачкой... Прошу вас рассудить нас.

Кучеш. — Хорошо, разберемся. Только — не обижайся, подожди до завтра. Сегодня мы очень заняты.

Тану. — Хорошо. Я приду завтра. (Ушла).

Кучеш. — (Картысу). Так вот у меня еще один вопрос. Как же ты просмотрел, что Тулькунек, Молтый, Барвалзыков и Букачын разбазаривают колхозное добро? Кроме того, ведь убито очень много лошадей, овец, коров. Почему ты на это не обращал внимания?..

Картыс. — Что я на это скажу? Случилось что-то со мной, сам не знаю что...

Кучеш. — Ну, хорошо. Ты возможно мог проглядеть, что творили кулаки-баи и бандиты. Но то, что вы сами-то натворили, знаете об этом?..

Картыс. — А что мы натворили?..

Кучеш. — Как что? А жеребца английской породы позволили убить!.. Этим вы колхоз на 7.000 руб. в убыток ввели. Кроме того, с вашего разрешения больше 40 штук мериносовых баранов зарезали. На это что ты мне скажешь?

Балтырган. — (Входит). Здравствуйте...

Кучеш. — Почему ты медлишь?.. Посылали за тобой несколько раз...

Балтырган. — Как сказали, так сейчас же и пришел...

Кучеш. — Ну, ладно. Садись... Давай поговорим. Скажи мне, председатель, куда девался колхозный скот?..

Балтырган. — Я вчера уже говорил об этом на собрании. Прибавить мне нечего...

Кучеш. — А я думаю, что найдется прибавить... Вы грязные свои дела не скрывайте! О них мы уже знаем. Давайте ка лучше на чистоту говорить...

Шонкор. — (В х о д и т). Здравствуйте! Зачем звали?..

Кучеш. — Здравствуйте. Садитесь. Так вот, товарищ Шонкор, вчерашнее постановление надо сегодня же провести в жизнь. Сегодня же вы должны принять дела от Балтыргана.

Шонкор. — Боюсь, не справлюсь я, товарищ Кучеш. Образование у меня низкое...

Кучеш. — Стыдно, Шонкор! С бандами дрался, в первых рядах красных партизан был, а колхозного дела испугался.

Шонкор. — Там другое дело... Там — перестрелка, лезли на гору, вниз спускались, от дождя мокли. Все это было как-будто знакомо... А колхозное дело — большое дело, сложное...

Мергенчи. — Нет, Шонкор! В нашем колхозе руководителем должны быть вы. Партизан из партизанов, от роду батрак. Кроме вас нам никого не надо. Мы вам будем помогать... Во время войны был бы взрослым, вместе с вами был бы партизаном...

Шонкор. — Правда, что так?!. Ничего, сынок, будешь «партизаном» на колхозной работе... Здесь тебе дела тоже много.

Кучеш. — Товарищ Балтырган, дела Шонкору передайте... Сейчас-же займитесь.

Балтырган. — Хорошо... У меня некоторые дела дома. Пойти, принести?..

Кучеш. — Конечно, надо принести. Но один не ходите. С вами пойдут люди...

Одна. — (Быстро входит). Я вошла в свою избу и вижу, что муж мой рвет какие-то бумажки. Я спросила — почему он их рвет. За это он меня избил...

Кучеш. — Сейчас же нужно послать человека. Наверное колхозные дела...

Мергенчи. — Я пойду!

Шонкор. — Этого змея надо было еще вчера в руки взять.

Кучеш. — Мергенчи, позови исполнителя, один не ходи. И быстро.

Мергенчи. — Хорошо. (Убежал).

Одна. — Ну, я тоже пойду. (Уходит).

Кучеш. — Видели? На позор вам малограмотная женщина вас опережает... Как видно, у этой женщины сильнее, чем у вас двоих, болит сердце за колхоз...

Шонкор. — Удивляют меня — и Балтырган, и Картыс. Нельзя сказать, чтобы ничего они не понимали... Тулькунек называет Картыса «зятем»... И как вы поддались их льстивым речам?!

Балтырган. — Виноваты. Виноваты мы... А я видел петлю и голову все-же пихнул. Ошибся! Теперь поздно, конечно. Верно говорил Шонкор, но мы не слушали...

Кучеш. — Да, заживить рану теперь вам будет очень трудно. Убытки колхоза очень большие.

Балтырган. — Ну, надо пойти за делами... Кто со мной пойдет?

Кучеш. — Шонкор вместе с тобой пойдет. Идите, товарищ Шонкор.

Шонкор. — Пошли. (Уходят).

Картыс. — Товарищ Кучеш, помогите мне выбраться из этого несчастья. Ошибался я... Постараюсь все силы положить, чтобы исправиться...

Кучеш. — Поздно, Картыс, думать об ответственно-

сти. Ты мое добро не портил. Вы испортили колхозное, государственное добро. Теперь вы должны ответить, ответить по суду... Кто прав, кто виноват — там выяснится. Если помощь нужна — там помогут, наказание нужно — там получите... А исправиться надо. В этом государство в дальнейшем, конечно, поможет.

Картыс. — Да, видимо, головы наши влезли в петлю... Другие коммунисты, комсомольцы, активисты пусть не ходят по нашему пути. Баев-кулаков, врагов советов пускай не жалеют, как мы. Пускай не льстят и не говорят: тесть, брат, дядя, тетка, родня.

Кучеш. — Да, тебя хоть и зовут Картысом, но ты настоящая шляпа!..

Картина 3

В правлении колхоза. Общее собрание колхозников

Кучеш. — Товарищи, колхозники и колхозницы! Итак, на примере контрреволюционной вредительской деятельности баев-кулаков и их подпевал в нашем колхозе, лишний раз подтверждается великое учение Маркса—Ленина—Сталина о том, что наши классовые враги никогда в мире добровольно свою позицию не сдадут. Поэтому борьба неизбежна. Поэтому необходима постоянная классовая бдительность!..

Выявлять замаскированных врагов нелегкое дело. Тут нужно смотреть, смотреть и смотреть!.. Заканчивая свое слово, товарищи, я призываю вас к бдительности, к самой беспощадной борьбе с остатками байских влияний и к дружной, ударной работе по восстановлению колхоза!

Да здравствует наша великая родина — СССР, да здравствует колхозный строй, да здравствует наша могучая партия и ее вождь, дорогой наш Сталин!.. Ну, а теперь слово дадим новому председателю колхоза, старому партизану, товарищу Шонкору!..

Шонкор. — Товарищи, я много не буду говорить.

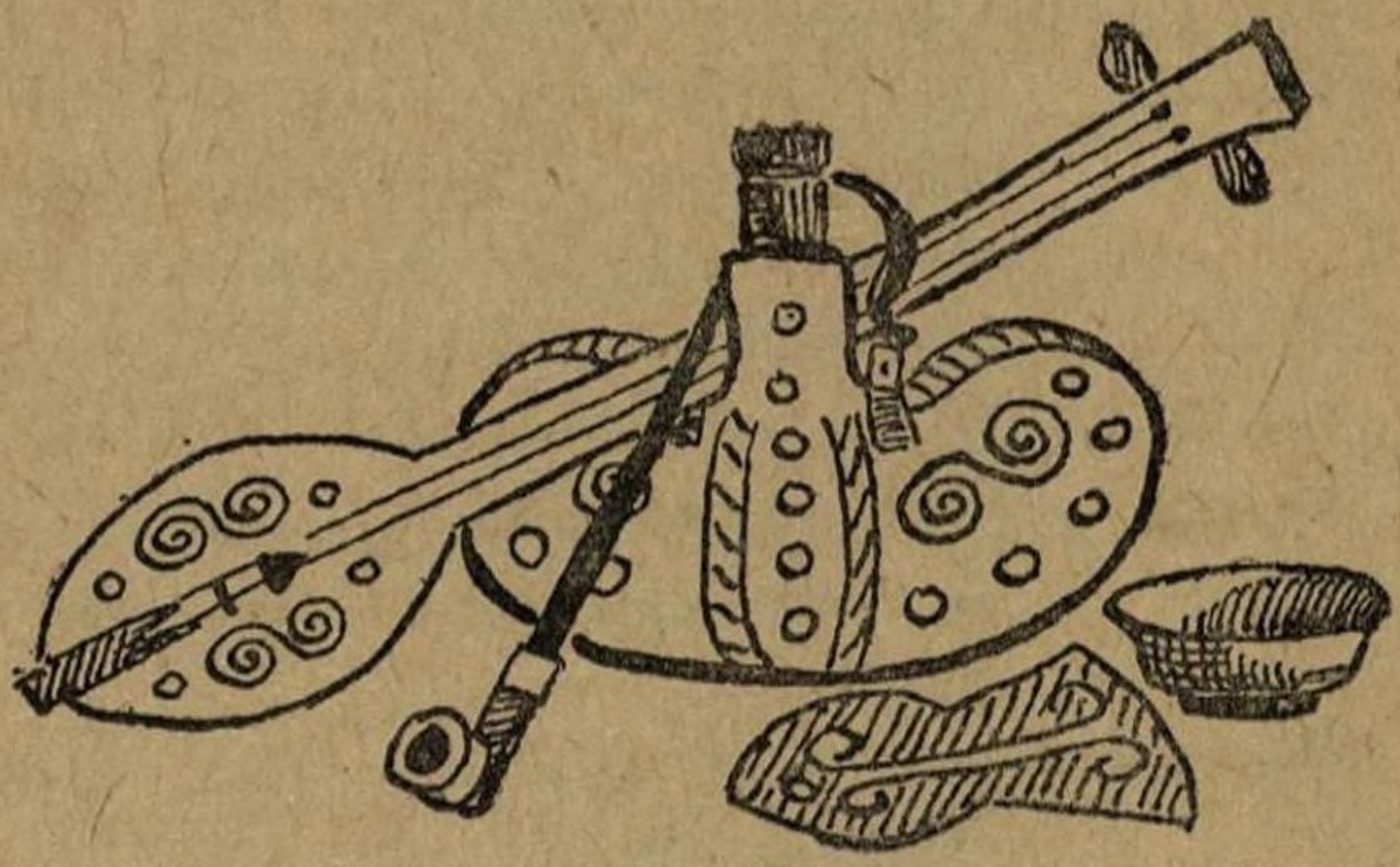
Скажу только одно—сейчас необходимо усилить работу. Лентяям, вредителям жить в нашем колхозе не позволим, места им больше здесь не будет!.. Смотрите в оба, товарищи! Особенно прошу женщин, — сонливым мужчинам спать не давайте. Если ругаться будут, скажите, что теперь не зайсанская власть!

Выращивайте молодняк, ходите за ним хорошенько.

Колхоз наш должен стать большевистским колхозом. Ну, я все сказал. Да здравствует партия, ведущая нас к светлому колхозному зажиточному времени! Да здравствует наш любимый вождь и учитель тов. Сталин!

Литературный перевод *А. Оболонского.*

Ойрот-Тура
1933 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 5. — Отрывки приведенных песен — в переводе *В. Непомнящих.*

Стр. 8. — Караты-Кан (не хан). Кан — алтайская форма того же монгольского слова, откуда и произошло общеизвестное хан.

Стр. 10. — Отрывки из сказки „Когутэй".

Стр. 55. — Имя Дельбегена у алтайцев звучит, как синоним всего жестокого, зверского, эксплоататорского. Алтайская беднота называла дельбегенами баев и кулаков.

Стр. 78. — Песня алтайских партизан 1921 года.

Стр. 91. — Кайгородов — глава бандитской шайки, разбитой партизанами под командой Долгих.

Стр. 100. — Речь идет о первом с'езде Советов Ойротии в 1922 г.

Стр. 170. — Здесь каламбур. По-алтайски лиса — тульку.

ОБ'ЯСНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АЛТАЙСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Абыл — мотыга.
Адалар — матери (множ. ч.).
Аил — юрта (стан).
Аймак — район.
Алтын-коль — золотое озеро (так по алтайски называется Телецкое озеро).
Анчи — охотник.
Арака — самогонка.
Арчима — переметная сума.
Белок — вершина горы, покрытая вечным снегом.
Бичак — грамота.
Бом — пригор, скала.
Выскорь — вывороченное с корнем дерево.
Дзеренуха — род антилопы.
Езендык болзын! — Да здравствует Страна Советов!
Зайсан — князек, родовой старшина.
Ирим — заводь.
Каракорум — буржуазное национальное правительство Ойротии в 1919 г.
Кандык — таежное растение.
Кожончи — сказитель (сказочник).
Корум — россыпь, мелкие камни.
Курут — сыр.
Коль — озеро.
Нокорлер — алтайское слово «товарищи» (джелдастар — то же по-казацки).
Оин — групповой алтайский танец.
Пыштак — сыр из творога.
Сыгыны — самцы маралов.
Ташаур — сосуд из кожи.
Топшур — ойротский национальный инструмент (струнный).

Улус — кочевой стан.
Чегень — квашеное молоко.
Чердек — ковер из разноцветных лоскутьев.
Шаман — служитель религиозного культа.
Ярлыкчи — проповедник бурханизма (религиозное течение).
Энелер — отцы (множ. ч.).
Эзегей — творог.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Я. Гордиенко — От сказок аила—к песне колхозной (вместо предисловия) 5

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Когутэй *(сказка)* 17
Башпарак *(сказка)* 49
Песни:
Арака 59
Про купца 59
Бедняцкая 60
Любовная 60
Песня женщины 61
Песня бедняка 61

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Песня девушек 65
Старое и новое 65
Песня о коллективе 66
Разговор с любимой 66
Раздумье 67
Песня о грамоте 67
Песня влюбленной 68
Прощание 68
Песня про советских ребят 68
Песня комсомольцев 69
Автомобиль 69
Песня про колхоз 70
Песня колхозника 70
Партизанская 71
Песня о Красной армии 72
Зарубежным братьям 72
Ленин - Сталин 73

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Стихи

Павел Кучияк—Чемал 77
» » —На сенокосе 79
» » —Охотник 81
Чот Енчинов—Новый Алтай 84
Чалчин Чунежеков—Песня о Красной армии . . 86
Чиликей Апаятов —Наша сила 87
Иван Эдоков —Путь через ледники 88
Павел Кучияк —Арбачи 90

Очерки, повести

Павел Кучияк—Железный конь 100
» » —Юскюсуул 126

Пьесы

Павел Кучияк—Петля 153

Примечания 178
Об'яснения алтайских слов 179

1011

ТЕХБИБЛИОТЕКА № 3319

Ответственный редактор
П. Я. Гордиенко
Ведущий редактор
А. А. Облонский
Технический редактор
А. Л. Темиряев

*

Сдано в производство 19 : :
1935 г. Подписано к печати
2 дек. 1935 г.

Формат 72×110¹/₃₂. Тир. 5000.
Бум. л. 2,875. Печ. л. 5,75.
Уч.-авт. л 9 1. Зн. в бум. л.
120.768. Инд Х-66 (сер. сборн.)
Изд. № 1408.

*

Новосибирск, тип. № 1 ЗСКИК.
Зак. 4064.

*

Уполкрайлита № 4604 от 6
октября 1935 г.

*

Цена 2 р. 75 к. Переплет 75 к.

Отзывы о книге направляйте по адресу: Новосибирск Коммунистическая, 1. Западно-сибирское краевое издательство

3 р. 50 к.